

**Военные
Приключения**

ЭТО БЫЛО В ПРАГЕ

ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ

Георгий Михайлович Брянцев
Это было в Праге. Том 2.
Книга 3. Свет над Влтавой
Серия «Военные приключения»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5981831

Это было в Праге. Том 2. Книга 3. Свет над Влтавой: Вече; М.; 2006

ISBN 5-9533-1362-4

Аннотация

Завершилась Вторая мировая война. Но перед народом Чехословакии стоит непростая проблема – определить путь по которому идти дальше. И вновь герои хорошо известного читателям романа «Это было в Праге» вынуждены бороться с врагами Родины, защищать завоеванное в смертельной борьбе с фашизмом.

Роман знаменитого мастера отечественной остросюжетной литературы вновь возвращается к читателю!

Содержание

Книга третья	5
Глава первая	5
1	5
2	16
Глава вторая	18
Глава третья	27
1	27
2	43
Глава четвертая	47
1	47
2	53
Глава пятая	59
1	59
2	63
Глава шестая	66
1	66
2	71
3	82
Глава седьмая	87
1	87
2	91
Глава восьмая	99
1	99

2	103
3	105
Глава девятая	107
1	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Георгий Михайлович

Брянцев

Это было в Праге. Том 2.

Книга 3. Свет над Влтавой

Книга третья

СВЕТ НАД ВЛТАВОЙ

Глава первая

1

Сентябрьским утром сорок седьмого года в одном из кабинетов Корпуса национальной безопасности задолго до начала занятий зазвонил телефон.

Ярослав Лукаш, как правило, приходил на работу раньше времени и, во всяком случае, раньше своего секретаря. Настойчивые звонки он услышал еще из коридора.

«Ко мне звонят!» Он нащупал в кармане ключ и поспешил к двери.

К телефону Лукаш испытывал слабость. Читал ли он, писал или вел увлекательный разговор – все равно, как только раздавался звонок, Лукаш немедленно брал трубку. Частенько случалось ему услышать звонки после занятий, когда он запирает свой кабинет. В таких случаях он неизменно возвращался. Всякий раз ему казалось, что звонок оповещает о серьезном деле, которое нельзя отложить. Два года его работы в Корпусе национальной безопасности дали много подтверждений этому.

В Корпус национальной безопасности обращался каждый, кому дороги были завоевания сорок пятого года, кто видел или слышал, что на эти завоевания посягают враги.

И сегодняшний настойчивый звонок мог оказаться очень важным. Боясь, что человек, стоявший на другом конце провода, потеряет терпение и положит трубку, Лукаш быстро подошел к аппарату.

– Да, у телефона я, товарищ Морава. Хочешь приехать? Сейчас? Прошу, прошу... Что, что? Повтори еще раз фамилию. Понял. Да, да. Яромир Розенфельдер? Так? Хорошо! Я жду.

Лукаш вынул из кармана свою обкуренную трубку, набил ее табаком, закурил.

«Яромир Розенфельдер... Яромир Розенфельдер... – повторил он несколько раз. – Чем-то мне эта фамилия знакома».

Он старался припомнить, где, когда и в связи с чем слы-

шал о Розенфельдере. Но память, перегруженная многими событиями, на этот раз изменила ему.

Необходимо распорядиться, чтобы проверили. Лукаш достал из стола тетрадь и сделал в ней пометку. Потом он задал себе вопрос: почему Морава заинтересовался Розенфельдером? Морава – ответственный работник Совета революционных профсоюзов, а Розенфельдер... Кто же он такой, Розенфельдер?

И снова напрягал свою память, – и снова безуспешно.

Поджарый, тонконогий Морава, бывший комиссар специального отряда, бесстрашный партизан, а ныне человек самой мирной профессии, появился в кабинете Лукаша ровно через полчаса после своего звонка.

– Задал ты мне загадку своим Розенфельдером, – сказал Лукаш, пожимая руку старому боевому товарищу. – Никак не вспомню, что это за персона.

– Ничего мудреного в этом нет, – усмехнулся Морава, присаживаясь у стола. – Если бы мне не подсказали, я тоже не вспомнил бы. Это тот самый обиженный господин, о котором весной писала американская газетка. Помнишь? Дескать, проклятые коммунисты преследуют даже таких кристально честных, деловых людей, как Яромир Розенфельдер.

– А-а-а... вспомнил, вспомнил! Чешский немец?

– Верно.

– Все годы оккупации проторчал в Лондоне?

– Вот, вот! А потом без приглашения с нашей стороны и

без визы пожаловал в Прагу. Его арестовали, хотели судить за нелегальный переход границы, но добросердечный Дрти-на заступился за него.

– Помню, помню. А почему ты вдруг заинтересовался им? – спросил Лукаш.

– Сейчас скажу. Розенфельдер до оккупации владел фабрикой «Уния». Она была национализирована, а вчера мне рабочие рассказали, что Розенфельдер подал иск в административный суд и требует возвращения ему предприятия.

– Хорош гусь, – угрюмо сказал Лукаш.

– Это-то бесспорно, – согласился Морава. – Но мне хотелось бы его проучить. Помимо нелегального перехода границы, за ним водятся и другие немалые грешки. Ты прав, он судетский немец, хоть и называет себя чехом. Якшался с Гейнлейном. Его нужно было выслать вместе со всеми судетскими немцами. Нельзя теперь исправить эту ошибку?

– Попытаемся, – твердо сказал Лукаш.

– Очень прошу. А я со своей стороны послежу; если суд начнет клонить в его сторону, пойду в министерство юстиции.

– Напрасно. Там толку не добьешься.

– А я устрою скандал. Сколько же времени можно терпеть эти безобразия!

Лукаш побарабанил пальцами по столу.

– Придется еще потерпеть. До поры до времени.

Морава оставил Лукаша в глубоком раздумье. За минув-

шие два года не было дня, когда бы Лукаш не убеждался на деле, что борьба, начатая коммунистами в тридцать восьмом году, далеко еще не закончена. Каждый день приносил яркие доказательства этого, каждый новый день напоминал, что борьба только видоизменилась, приняла иные формы. Но не угасла и не может угаснуть. И чем больше слабела буржуазия, тем озлобленней и коварнее она сопротивлялась, пытаясь исподтишка нанести решительный удар молодой народно-демократической республике.

Буржуазия располагала тремя политическими партиями из пяти, составляющих национальный фронт: «народной» или католической, национально-«социалистической» и словацкой «демократической».

Буржуазия занимала руководящие посты в министерствах внешней и внутренней торговли, юстиции, снабжения, искусства, унификации законов, здравоохранения, транспорта, почты, телеграфа. На ее стороне были президент Бенеш и три заместителя председателя Совета министров Готвальда.

Она ставила целью захватить в свои руки министерства обороны, внутренних дел, земледелия, финансов и информации – министерства, во главе которых стояли коммунисты.

Она компрометировала в глазах народа Национальное собрание, клеветала на Советский Союз, перекачивала за границу крупные денежные суммы, открыто саботировала поставки продовольствия в города, покровительствовала воен-

ным преступникам, предателям, ратовала за учреждение акционерных обществ с участием иностранного капитала, добивалась отмены декретов о национализации крупной промышленности, банков, о разделе земли, распространяла слухи о неизбежной сельскохозяйственной катастрофе вследствие небывалой засухи этого года, постигшей страну якобы в результате коммунистического руководства, организовывала массовое вредительство и диверсии в народном хозяйстве, лезла из кожи вон, пытаясь переманить на свою сторону левое крыло социал-демократической партии, которое поддерживало коммунистов.

Не только Лукаш, ответственный работник Корпуса национальной безопасности, но и каждый коммунист, каждый честный гражданин республики знали, что за спиной чехословацкой буржуазии, за спиной реакции стоит реакция внешняя, возглавляемая кругами США, и что усилия и потуги внутренней реакции – это усилия и потуги американских империалистов.

Лукаш на бесчисленных примерах убеждался, что, нанося удары по диверсантам, вредителям, террористам, бандитам, спекулянтам, Корпус национальной безопасности этими ударами бил и по длинным рукам заокеанских заговорщиков.

Каждый новый день давал все новые и новые примеры этой сложной борьбы.

Вот сегодня стало известно, что Розенфельдер задумал вернуть себе национализированную фабрику; вчера на тек-

стильной фабрике, обрабатывающей полученный из СССР хлопок, обнаружили в барабанах острые куски железа, портившие полотно; позавчера нашли труп офицера органов безопасности.

А сколько чрезвычайных происшествий было зарегистрировано за это время! Член парламента национальный социалист Отто Гора опубликовал в печати данные о Количественном составе Корпуса национальной безопасности; реакционеры инсценировали «неудавшееся» покушение на своих лидеров – министров Зенкла и Дртину и постарались замять дело; был пойман с поличным ватиканский агент с письмом к одному из видных деятелей Национального собрания; «Свободное слово» выступило с очередной статьей в защиту спекулянтов; в Прахатицах обнаружен тайник, а в нем тысяча метров текстильной ткани и тридцать пять килограммов золота. И прочее, и прочее.

«Конечно, на этом они не остановятся, – думал Лукаш. – Это только их разведка боем. Они пробуют силы и оружие на отдельных участках, маскируются, испытывают нас, ждут сигнала. Когда этот сигнал будет подан, они ринутся сломя голову в атаку. Хм! Мертвецы... Мертвецы, которых навеки похоронила история. Но они не хотят примириться с этим. Они, видно, думают, что мы позволим отбросить себя назад, в наше страшное прошлое, позволим опять сесть себе на шею. Ну уж нет, господа! Ваша песенка спета. Карты ваши биты. Если вы и дадите нам бой, то это будет последний

для вас бой. Не наша вина в том, что вы страдаете куриной слепотой».

Почти семь лет работы в подполье не прошли бесследно для Лукаша. Он уже не скучал по паровозу и только изредка с теплым чувством вспоминал о нем. Он нашел новую профессию и гордился ею не меньше, чем старой. Жестокая, беспощадная борьба с врагами родины, в которую он вступил семь лет назад, сама подвела его к его новой работе – работе контрразведчика. И не только привела, но и закалила, воспитала, обогатила ценнейшим опытом, позволившим ему, Лукашу, бывшему паровозному машинисту, стать ответственным работником Корпуса национальной безопасности – органа, стоящего на страже интересов чехословацкого народа.

Опять зазвонил телефон. Лукаш протянул руку к аппарату и взял трубку.

– Пропустите.

Когда посетитель появился, Лукаш поднялся к нему навстречу.

– Товарищ Гофбауэр! Вот уж никак тебя не ждал. Похоронил ты себя заживо в Стршешовице. Друзей старых забыл. Видно, и совесть не мучит. А?

Он дружески обнял гостя за плечи, подвел к креслу, сел против него.

– А знаете, по правде-то говоря, и не мучит, – признался Гофбауэр, нисколько не смутившись. – Я как-то собрался заглянуть к вам домой, хотел проведать. Но подумал: зачем я

к нему потащусь? Вспоминать прошлое? Переливать из пустого в порожнее? Отвлекать человека от его обязанностей? А в них, как погляжу, недостатка нет. И решил: нет, уж лучше посижу дома. Если сам я бездельничаю, то зачем мешать тем, кто дело делает? И не пошел.

– И все-таки не стерпел, решил помешать? – пошутил Лукаш.

– Да ведь не зря отнимаю время. Не без причины. С делом пожаловал, а делом никогда не помешаешь.

– Готов тебя слушать в любое время.

Гофбауэр достал очки с оглобельками, скрепленными суровыми нитками, водворил их на нос, вынул сверток с бумагами и начал усердно копаться в них.

Лукаш считал себя стариком, но, поглядев на Альфреда Гофбауэра, убедился, что в сравнении с гостем выглядит молодцом. Гофбауэр бел как лунь. Кожа на его лице, испещренном бесчисленными морщинами, стала совсем прозрачной и как бы просвечивающей. Глаза, когда-то зоркие и добродушно-плутоватые, потеряли свой цвет, утратили остроту и помутнели. Руки с припухшими суставами и широкими венами заметно тряслись.

«Болен старик, потому и сидит дома», – решил Лукаш. И спросил:

– Здоровье твое как?

Гофбауэр повел худыми плечами.

– Не жалуюсь. Пока Бог милует. Еще гляжу вперед год-

ков этак на десять-пятнадцать. Проскриплю это время. Я такой... А теперь слушайте. Дело заключается вот в чем...

И Гофбауэр рассказал следующее. Месяца три назад он с оказией неожиданно получил письмо от Гоуски из Швейцарии. От того самого Гоуски, который доверил ему особняк и у которого Лукаш работал истопником. Письмо принес Гофбауэру на дом неизвестный человек. Выяснить, что это за человек, старик не сумел. Посланец приехал на машине поздно вечером, не удалось даже разглядеть номерной знак. Выяснилось, что Гоуска знал о заселении его особняка и о том, что Гофбауэр отстранен от управления им. Но Гоуска был уверен, что его друзья помогут ему вернуть особняк и выдворить из него непрошенных гостей. В недалеком будущем он намерен вернуться в Прагу, ибо не чувствует за собой никакой вины перед родиной. Гоуска просил Гофбауэра присмотреть за тем, чтобы теперешние жильцы особняка не растащили при выселении мебели и всего, что там еще уцелело.

– Вот его письмо, – Гофбауэр подал Лукашу конверт.

– Что ты ему ответил? – спросил Лукаш.

– Ничего. Он не требовал ответа.

Лукаш вынул из конверта лист бумаги и пробежал его глазами.

– И дальше? – спросил Лукаш.

– Я получил еще одно письмо от Гоуски вчера. Но уже по почте. Вот оно.

«На конверте печать пражского почтамта. Следовательно,

человек, который привез его в Чехословакию, не решился во второй раз идти на дом к Гофбауэру и опустил письмо в почтовый ящик», – соображал Лукаш.

Гоуска сообщал, что вернется на родину в самом ближайшем времени и перевезет семью из загородной виллы в особняк. Он предупреждал Гофбауэра, что возьмет его к себе в качестве управляющего виллой, благодарил за услуги и заверял, что не останется в долгу.

– За какие услуги? – спросил Лукаш.

– Да интересно все получилось, – рассмеялся Гофбауэр. – Из особняка и на самом деле выселили всех. Три семьи. Я пришел, когда съезжали последние жильцы. Представился чиновнику: так, мол, и так. Он говорит: «Пожалуйста». Я расставил мебель по старым местам, навел порядок, перенес телефон из коридора в кабинет – тот, где вы мне руки связывали, запер двери на ключ и поселился в вашей камерке. Помните ее? Теперь скажите: разве я не оказал услуг Гоуске?

Лукаш в полной мере оценил сообразительность Гофбауэра.

– Молодчина ты!

– А как же? – хитровато подморгнул Гофбауэр. – Когда-то его дом хорошо нам пригодился. Чем черт не шутит, может, теперь и сам хозяин пригодится.

«Ну и негодяй же этот Гоуска! – думал Лукаш, проводив гостя. – Он не чувствует за собой никакой вины, а веревка плачет по нем давно. На что и на кого он надеется? И тюрьмы не боится».

Ярослав вызвал секретаря и попросил пригласить Сливу.

Когда тот явился, Лукаш приказал ему разыскать и принести дело Рудольфа Гоуски – то дело, которое в свое время на островах завел на него штурмбаннфюрер Зейдлиц, как на гестаповского агента.

– Ясно?

– Да.

Антонин Слива щелкнул каблуками и вышел. Как и Лукаш, он работал в Корпусе со дня его организации. Теперь у них сложились иные взаимоотношения, служебные. Но эти новые отношения не могли заслонить прежних, возникших еще в дни юности Антонина. Он по-прежнему любил Лукаша, как отца, хотя Ярослав был теперь взыскательнее, требовательнее и строже с ним.

Через несколько минут Слива явился с докладом. Лукаш нахмурился.

– Дело Гоуски исчезло из архива, – доложил Слива.

– Как?

– Исчезло со всеми материалами, которые похитил Горак,

бежавший в Западную зону.

– Так, так, – проговорил Лукаш и еще сильнее нахмурился.

Он вспомнил историю Горака, пробравшегося в Корпус по заданию реакционеров. Много еще придется поработать, чтобы очистить Корпус от проникших в него врагов. Часть из них, вроде Горака, уже сама себя разоблачила; часть притаилась, замаскировалась и вредит общему делу исподволь, осторожно, боясь выдать себя; другие изо всех сил стараются зарекомендовать себя с лучшей стороны, завоевать доверие, чтобы потом, в нужный момент, нанести удар в спину. Случайно это? Нет. Это вполне закономерно. И надо быть глупцом и слепцом, чтобы не понимать и не видеть этого.

Глава вторая

Божена давно ждала этого известия. В своем воображении она рисовала радостную минуту, когда он войдет и скажет: «Ну, вот я и вернулся, Божена».

Ей хотелось, чтобы все это произошло неожиданно, вдруг, без долгих дней мучительного ожидания. Немало пережила она за эти годы, а если счастье проглянет сразу, как солнце, – только и остается, что засмеяться от радости и с головой окунуться в его светлый поток.

Вот она и дождалась своего счастья! Значит, не напрасно ждала. А ведь долгое время от Нерича не было никаких известий. Она не знала, где он, и не была уверена, жив ли он, – следы Нерича затерялись. Первое письмо Божена получила в июле сорок пятого года. Оно было совсем коротенькое, в несколько строк. Нерич без особой надежды на ответ запрашивал: живет ли еще в старом доме Божена Лукаш, а если переехала, то не могут ли ему сообщить ее новый адрес? Она ответила в тот же день, вернее сказать – в тот же час. Ей хотелось написать всего три слова: «Я здесь, жду», – но она сдержала себя и сообщила лишь то, о чем он ее спрашивал. Конечно, она не могла ограничиться несколькими строчками и написала, что живет по-прежнему вместе с отцом, – из этого он поймет, что она не замужем, что учится в университете. А потом следовал целый вихрь вопросов. Как сложилась его

судьба? Помнит ли он Прагу? Не собирается ли навестить своих старых друзей? Ей очень хотелось спросить, не забыл ли он слова, которые сказал ей при расставании. Но она не спросила об этом из самолюбия. Впрочем, волнение ее было настолько сильно, что в каждой даже самой обыденной фразе Нерич, если он человек чуткий, мог угадать ее состояние и оценить стойкость ее чувства. Ей казалось, что, резко обрывая фразу, она этим подчеркивает свою сдержанность. Он же по этим отрывочным фразам видел ее душевное смятение.

Через неделю пришло еще одно письмо, затем третье. Божена аккуратно отвечала, и переписка их оживилась. Нерич подробно писал о себе, и легко было понять, что он хочет восстановить прежние отношения.

«Жизнь сурово обошлась со мной, – не раз повторял он в письмах. – Я многое понял и переоценил».

Он подробно описывал свои странствия и делал это, как и всегда, с воодушевлением и блеском. Божена живо представила себе события, к которым был причастен Нерич, и заново переживала опасности, которым любимый ею человек подвергался. Да, она по-прежнему любила его, и, быть может, даже сильнее, глубже, чем прежде. Он стал ей как-то ближе и понятнее. Он защищал свою родину, воевал с фашистами, четыре года вместе с югославскими партизанами бродил по лесам, был ранен.

«Я понял, что выше всего для человека его отчизна. И жить надо ради свободы своего народа, – так он заканчивал

одно из своих первых писем. – Перед моими глазами стоят люди, отдавшие жизнь за светлое будущее. Меня спас от смерти простой человек, крестьянин Душан. Я лежал в снегу раненый, истекающий кровью. Душан подобрал меня и, несмотря на разгулявшуюся вьюгу, на своих плечах унес в глубь леса, к нашим. Во время пути ему дважды пришлось отстреливаться, и немцы его ранили. Теряя силы, он опускал меня на снег и защищал своим телом от жгучего ветра. Он умер в пути. Меня еле живого утром подобрала дружба. Никогда я не забуду такого самопожертвования. Подвиг Душана заставил меня продумать многое. Что я ему? Только врач. А он отдал за меня жизнь. Он знал, что я необходим для людей, его товарищей, которые подвергают себя опасности каждую минуту. Сколько мужества проявили мои соотечественники в борьбе с немцами! Поистине герои. И я горжусь, что вместе с такими героями, как Душан, нес эти годы все тяготы и лишения партизанской жизни. Теперь я совсем другой, Божена...»

Это письмо Божена показала отцу. Когда Ярослав читал его, она не сводила с отца глаз, счастливая и гордая любимым человеком. Вот он какой, Милаш Нерич! Можно ли не оценить его мужества?

– Что ж, он вполне трезво рассуждает, – сказал тогда Лукаш, складывая письмо и возвращая его дочери. – В годы сопротивления многие поняли, на чьей стороне правда...

Отец хоть и не открыто, но одобрил и мысли и поведение

Нерича. У Божены словно камень свалился с сердца. Сломалась преграда, так долго разделявшая Нерича и отца.

«И ты в него не верил!» – с упреком подумала Божена.

Каждое новое письмо сближало их. Нерич все чаще писал о том, как стремится увидеть ее. Она отвечала ему тем же. Неожиданно Нерич в своих письмах перешел на «ты», и это смутило Божену. Нет, она не обиделась на такое обращение, ее не оскорбило это проявление близости. Она почувствовала, что с этим «ты» в ее жизнь вошло что-то решающее и бесповоротное. Это «ты» словно бросило свет на все слова его письма. Не дочитав его до конца, Божена закрыла глаза, голова ее кружилась.

– Милаш, – прошептала она и вложила в это имя всю силу своей верной любви.

Письма научили ее мечтательности. Возвращаясь из университета, Божена сворачивала к Влтаве, проходила по набережной и садилась на их любимую скамью. Вот снова осень, снова позолотились деревья и по-осеннему звонко звучат людские голоса. Когда-то они гуляли здесь вдвоем, он рассказывал, она слушала и не отрываясь смотрела на лениво бегущие воды Влтавы. Тогда их отношения были неосознанными, неопределенными. Зарождающееся чувство пряталось под ничего не значащими фразами. Они могли говорить часами, обходя то главное, что возникало между ними. А она уже и тогда любила Нерича, в те чудесные вечера. Может быть, Нерич не догадывался об этом, не знал, какую ра-

дось она носит в своем сердце. Но это потому, что гордость девушки не позволяла обнаружить чувство. Они долго были знакомы. Кем они были? Просто друзьями. Только вдруг загоревшийся взгляд, или внезапная тоска в голосе, или слишком долгое пожатие руки при расставании говорили о том, что они таили друг от друга. А позже она поняла, что и Нерич любит. Она ждала его признания, мучилась этим ожиданием, верила и не верила, что придет час ее счастья. А быть может, никогда не придет и все останется как прежде. Нет, хуже, чем прежде. Обида и стыд останутся с нею: обида за отвергнутое чувство и стыд за унижение. Он ведь давно почувствовал, что она его любит. И наконец сказал о своей любви. Не так, как она ждала, но все-таки сказал. И просил быть его женой.

Но она отказалась. Как больно сказать «нет» любимому человеку... Сказать «нет», когда сердце отвечает «да». Но он понял ее. Они расстались потому, что на родину надвигалась гроза. С тех пор прошло почти восемь лет. Она думала о нем все эти годы, неотступно думала и хотела быть с ним. И наконец пришло письмо. Что же теперь мешает их любви? Больше нет препятствий.

Божена легко вызвала в своем воображении их будущую совместную жизнь. Она будет залита солнцем. Ни одной тени не упадет на их отношения. Да и откуда взяться этим теням, если они любят друг друга, понимают и берегут? Мечты уносили ее к Милашу, в горы и леса Югославии, среди которых он жил, где был его дом. Или ей представлялось, что

Милаш приезжает в Прагу и она встречает его на вокзале, с цветами. Но чаще всего ей представлялись вечера на берегу Влтавы и знакомая – до каждого сучка знакомая – скамья. Нерич что-то говорит ей, а она слушает и смотрит на реку.

Все чаще и чаще Нерич заговаривал в письмах о Праге.

«Как хочется оказаться в знакомых, давно ставших родными местах! Полжизни я провел на чешской земле, и опять тянет к ней, – писал он в одном из писем. – Не удивляйся, если неожиданно нагряну».

Но Божена недоумевала: почему Милаш не на родине, а в Швейцарии и письма идут из Берна? Но следующее письмо все разъяснило. Нерич находится в заграничной командировке от министерства иностранных дел Югославии. Командировка длительная.

Божена делилась новостями с отцом. И ей было приятно слышать, когда Ярослав, прочитав одно из писем, сказал:

– Твой Нерич, пожалуй, скоро министром станет.

Когда Нерич известил, что вступает в коммунистическую партию, Ярослав одобрил:

– Вот это дело!

Однако Божена не замечала, чтобы отец близко к сердцу принимал изменения в судьбе Нерича или интересовался им. Он ни разу не спросил по своему почину, что пишет Нерич. Если она рассказывала, он слушал, показывала письма – читал. Божене казалось, будто он это делает из нежелания огорчать ее. «Неужели так будет всегда? – горько думала

она. – Неужели всегда он будет равнодушен к моей любви? Должен же наконец отец понять, что мое счастье – Милаш, и только Милаш».

С Антонином, который теперь бывал у них почти каждую неделю, она старалась не заговаривать о Нериче. Первой своей радостью Божена, правда, поделилась с ним – и тут же увидела, что Антонин настроен к Милашу враждебно. Он ничего не сказал, даже не ответил на ее вопрос: «Как ты думаешь, скоро он сможет приехать?» – и поспешно ушел.

Милый Антонин, он глубоко предан ей. Каждый час она чувствует его внимание и заботу. Он бывает с нею в кино, встречает ее по субботам около университета и провожает домой. От Божены не укрылась его любовь, хоть он и старается не выдать ее. Но разве ее можно утаить? Вот так же и она, встречаясь с Неричем, пыталась скрыть свое чувство. Но что ей казалось надежно скрытым, то было явным для Нерича.

Антонин теряет в разговоре с нею, мрачнеет, если она холодно встретит его, грустит, когда видит ее безразличие. И ей жалко его. Может быть, и она виновата в том, что Антонин мучится? Ей не следовало отвечать на его взгляды, доверчиво делиться с ним своими радостями и печалью. Еще тогда, в годы войны, когда она угадала его пробуждающееся чувство, ей нужно было сказать твердо и ясно, что она любит Нерича, что Нерич для нее самый дорогой человек на свете. Антонин, поняв это, остался бы ее товарищем. Но она

не сказала тогда, не сказала и позже. Больше того, ее радовала любовь Антонина. Не будь Нерича, она, быть может, ответила бы на его чувство: Антонин ей нравился. Иногда Божена ловила себя на мысли, что даже жалеет о своей любви к Неричу: слишком тяжело давалась ей их долгая разлука. Не появись письма в сорок пятом году, она бы вообще смирилась с тем, что Нерич ушел из ее жизни. Но он жив, думает о ней. Этого довольно, чтобы снова страдать и терпеливо ждать его. Теперь Антонин лишний в ее жизни. Его любовь тяготит ее, его мрачность раздражает, молчание утомляет. Ей хочется говорить о Нериче, и только о Нериче, вспоминать прошлое, мечтать о будущем...

Нерич вытеснил все, чем раньше она жила, и от этого ей светло и радостно жить. Иногда, только изредка, она вспоминает об Антонине и чуточку жалеет его. Но это случается все реже и реже...

С утра Божена чувствовала себя оживленной. Из университета она поехала домой.

Трамвай шел слишком медленно, остановки злили, казалось, их слишком много – больше, чем всегда. Наконец последняя. Божена торопливо спрыгнула с подножки и побежала по своей улице. Стуча каблуками, она взбежала по ступенькам, открыла дверь – и сразу увидела на столе телеграмму. От него! Так и есть, из Белграда... Она дрожащими пальцами разорвала облатку и прочла давножданное слово: «Выехал».

Она готова была разрыдаться от счастья и закрыла глаза ладонями.

Только теперь она услышала скрип стула, потом приближающиеся к ней шаги и тревожный голос:

– Что с тобой, Божена?

Она смахнула с глаз слезы. Перед ней стоял Антонин. Страдальческая улыбка свела его губы. Он смотрел на Божену, не решаясь заговорить.

– Это ты, Антонин? – приходя в себя, спросила Божена. – Извини, я не заметила.

И подумала с досадой, снимая шляпку: «Зачем он здесь? Как не вовремя!»

Антонин с минуту потоптался в нерешительности, потом торопливо оделся и, не сказав ни слова, открыл дверь.

Глава третья

1

Уже два с лишним года бывший штурмбаннфюрер СС Мориц Обермейер сидел во франкфуртской тюрьме. Суд давно сказал свое слово. Следствие установило, что он именно тот человек, за которого себя выдает.

Обермейер смирился со своим положением и навсегда похоронил надежды на будущее. Только изредка неугасимая злоба вспыхивала в нем при воспоминаниях о прошлом. Он не мог себе простить роковой ошибки, которую совершил при бегстве из Праги. Но и злоба утихала. Время сглаживало все.

Сегодняшний день ничем не отличался от других: заметно скудный завтрак, потом поверка заключенных и ожидание обеда. В камере полумрак; солнце появляется в окне лишь в час пополудни и спустя недолгое время снова исчезает, скрываясь за каменной громадой соседнего корпуса. Обермейер ежедневно отмечает длину тени на стене – это единственное и притом самое интересное занятие в его одиночестве. Больше делать нечего.

Но сегодня пасмурно, осеннее небо затянулось тучами, и солнца, кратковременного солнца, конечно, не дожидаться.

Обермейер лег на койку – не удастся ли уснуть? – и закрыл глаза.

Однако уснуть помешали. В два часа дверь неожиданно открылась и дежурный окликнул Обермейера:

– Следуйте за мной!

Обермейер повиновался, но вышел из камеры без особой охоты. В чем дело? Куда его ведут? Кому он понадобился? Неужели оккупационные власти решили пересмотреть дело, нашли новые документы?

Вслед за дежурным Обермейер проследовал через пустой тюремный двор. Его вели в административную парикмахерскую.

– Привести заключенного в полный порядок, и побыстрее, я сейчас вернусь, – распорядился дежурный.

Парикмахер добросовестно отнесся к своим обязанностям. С особой тщательностью он постриг и побрил необычного клиента в арестантской одежде.

Обермейер рассматривал себя в зеркале. Без всякого удовольствия он констатировал, что за эти годы сильно изменился к худшему. Бесцветные волосы заметно поредели и отступили ото лба. К бледной окраске кожи примешалась какая-то лихорадочная желтизна. Тонкие белые губы очерствели, огрубели. Вокруг большого рта залегли жесткие складки. Прибавилось морщин. Только глаза, кажется, не поддались влиянию времени, они были все так же прозрачны и бесцветны. И так же белели шрамы на носу и на щеке.

После туалета Обермейеру предложили переодеться. Ему подали новый коричневый костюм, легкую велюровую шляпу, сорочку цвета беж, скромный галстук в полоску и настоящие кожаные полуботинки.

Не требовалось острого ума, чтобы догадаться, что Обермейера собираются кому-то показать. Только этим и можно было объяснить заботу о внешности заключенного.

Машина, в которую сели дежурный и Обермейер, понесла их по улицам города.

Обермейер жадно смотрел вперед, назад, направо и налево. С наслаждением он вдыхал запах перегоревшего бензина, бивший в нос. Он испытывал волнение человека, почувствовавшего вкус свободы.

Машина остановилась на аллее Лилиенталь. Обермейера ввели в большой дом и оставили с главу на глаз с пожилым мужчиной.

– Садитесь, – пригласил незнакомец, расхаживая по комнате. Несмотря на то что он сказал это по-немецки, Обермейер сразу признал в нем иностранца.

Модный полосатый пиджак с длинными узкими бортами не мог скрыть строевой выправки незнакомца, и наметанный глаз гестаповца сразу увидел, что перед ним военный.

Незнакомец остановился против Обермейера и сказал:

– Я полковник из главного штаба Си-Ай-Си. Вам это говорит о чем-нибудь?

Решительным кивком головы Обермейер подтвердил, что

ему все ясно.

Последовала небольшая пауза.

Полковник смотрел на Обермейера как-то странно: не в лицо, а поверх головы. Это не доставляло Обермейеру особого удовольствия.

– Вы, господин Крамер, допустили большую тактическую ошибку, скрыв от органов следствия и суда свою подлинную фамилию и профессию.

Обермейер молчал. За эти годы ему не приходилось говорить много. Он больше думал. Думал и сейчас: «Старый фокус... Психологическое воздействие. Нам это тоже немного знакомо. Если тебе известны моя подлинная фамилия и профессия, так почему ты называешь меня Крамером?»

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем полковник заговорил снова. Он вынул из кармана три фотоснимка и протянул их гестаповцу.

– Не находите ли вы, господин Крамер, что штурмбаннфюрер СС Мориц Обермейер разительно похож на вас?

Обермейер похолодел. Его рука, державшая фотоснимки, заметно дрогнула. Да, на снимках он. Отпираться глупо.

– Вот в этом и кроется ваша ошибка, – не дождавшись ответа, продолжал полковник. – Вас судили за убийство майора американской службы, судили как рядового солдата германской дивизии «Валленштейн». А если бы суд знал, что имеет дело с кадровым, руководящим работником гестапо, с штурмбаннфюрером СС, то...

Полковник не договорил, и Обермейер поднял голову. В его глазах застыл немой вопрос: «То как бы вы со мной поступили, если бы знали это?»

Но полковник так и не закончил своей фразы. Он снова стал ходить по комнате и после долгого молчания заговорил о другом:

– Перед вами выбор, господин штурмбаннфюрер, альтернатива: или – или. Или по-прежнему тюрьма, или свобода и согласие выполнять поручения американской секретной службы.

Обермейеру показалось, что в комнате стало вдруг светло и жарко. У него даже испарина выступила на лице. Он не мог дольше сидеть на месте, встал и облегченно вздохнул.

– Я согласен на все условия, – сказал он твердо.

– На любые поручения? – подчеркнул полковник.

– Я готов на все, – повторил Обермейер.

– Мы рассчитывали на это, но... – полковник вынул портсигар, открыл его и протянул штурмбаннфюреру. – Скажите откровенно – кто из вас убил майора, вы или ваш помощник? Я спрашиваю, конечно, не для того, чтобы инкриминировать вам новый состав преступления. Я спрашиваю из простого любопытства.

– Помощник.

– Скажите! Значит, я ошибался. Я предполагал, что вы. Но теперь это невозможно проверить. Ваш помощник оказался малодушным парнем и повесился в камере. Но, прежде

чем проделать это, он всю вину свалил на вас. Кстати, это он рассказал, кто такие вы оба в действительности. На сей раз, как мне сдается, он совершил правильный поступок, единственный за всю его жизнь. А у вас нет желания вспомнить прошлое и воспроизвести действительную картину убийства? Мне хочется сравнить ваш рассказ с его показаниями. Право, это интересно.

– Могу, – ответил Обермейер.

– Садитесь. Обоим стоять неудобно.

Обермейер сел и рассказал все с самого начала и до конца. Дело произошло так. Он и помощник покинули восставшую Прагу после того, как стало известно о падении Берлина, смерти фюрера и капитуляции германских войск. За день до побега помощник пробрался в резиденцию гестапо – дворец Печека, захватил списки и личные дела наиболее ценной агентуры, уложил бумаги в небольшой железный ящик и закопал его в саду того дома, в котором жил. На машине они почти добрались до Пльзеня, но не по шоссе, а по проселочной дороге. Неожиданно путь им преградил джип. В нем сидели два американских солдата, сильно пьяных. Они не проявили к Обермейеру и его помощнику никакой враждебности и ничем не угрожали им, хоть и видели, что имеют дело с немцами. Солдаты только спросили, как проехать в город Бетроун. Обермейер и его помощник ставили своей целью пробраться через Пльзень, Регенсбург и Мюнхен в Цюрих, где у Обермейера жила тетка по отцу. По территории, занятой

американскими войсками, удобней передвигаться в американской форме и на американской машине. Поэтому Обермейер и его помощник обезоружили пьяных солдат, сняли с них военную форму, переоделись и, оставив их связанными в своей машине, добрались на джипе до Мюнхена. Тут понадобились деньги. У Обермейера было около двадцати крупных брильянтов. Маклер на Фридрихплац нашел им покупателя – американского майора интендантской службы по фамилии, кажется, Фолинг или Доминг. Майор провел их в полуразрушенный дом на Георгенштрассе и в одной из уцелевших комнат этого дома начал торг. Те камни, которые показал ему Обермейер, майор отказался купить и попросил показать другие. Обермейер допустил глупость и выполнил его просьбу. Тогда майор положил брильянты себе в карман и показал рукой на дверь. Дело приняло неожиданный и нежелательный оборот. Обермейер потребовал свои брильянты назад. Майор, вместо ответа, отстегнул кобуру пистолета. В это время помощник Обермейера напал на него с «кольтом» в руке и сильным ударом проломил ему череп. Обермейер вынул из кармана майора свои брильянты, распорол подкладу суконного пиджака и спрятал их туда. Все сошло как будто благополучно. Но покойный майор оказался умнее, чем это можно было предположить. Вероятно, он раньше через маклера узнал, что будет иметь дело с немцами, и через него же вызвал к дому наряд американских солдат. Когда Обермейер и помощник собирались выйти из дома, в комнату

свалились шесть солдат. Сопrotивляться не имело смысла. Ну а дальше – лагерь... суд... тюрьма.

– Все в точности совпадает с показаниями вашего помощника. Абсолютно все, – заметил полковник. – Расхождение лишь в одном: он утверждал, будто майора убили вы.

– Я сказал вам правду.

– Охотно верю. Ну а где же брильянты?

Обермейер безнадежно махнул рукой.

– Целая история.

– Уж рассказывайте до конца. Получается готовый сценарий для голливудского кинофильма.

Обермейер продолжал свой рассказ. Один из заместителей начальника лагеря каким-то образом пронюхал, что Обермейер имеет брильянты и носит их при себе. Можно заподозрить, что в этом случае проболтался его помощник – он неоднократно предлагал Обермейеру использовать несколько брильянтов для подкупа администрации лагеря и побега. Так это или нет, проверить сейчас трудно. Во всяком случае, заместитель начальника лагеря воспользовался брильянтами. Он приказал приготовить баню для жителей этого барака, в котором содержался Обермейер. Перед мытьем заместитель начальника приказал собрать верхнюю одежду и нательное белье заключенных и отправить в дезинфекционную камеру. После дезинфекции пиджак вернули, но камней в нем не оказалось.

Полковник не выдержал и рассмеялся.

– И дорого стоили ваши камни? – спросил он.

Обермейер вздохнул.

– Целое состояние. Я смог бы прожить на них самое меньшее двадцать лет. Прожить, ни о чем не думая.

Полковник сочувственно покачал головой, потом сказал:

– Да, бывает... Вам придется начинать все сначала, завтра мы вместе предпримем небольшое путешествие. Во Франкфурт вы, пожалуй, не вернетесь. По крайней мере, в ближайшие месяцы. Сегодня переночуйте в этом вот доме, – и он подал Обермейеру листок с адресом.

...На другой день специальный самолет с американскими опознавательными знаками поднялся в воздух с франкфуртского аэродрома. И через час с минутами полковник и Обермейер сошли с самолета в городе Берне.

В начале седьмого полковник доставил Обермейера в небольшой особняк в старом квартале, представил его неизвестному и удалился.

Неизвестный и Обермейер обменялись рукопожатиями. Повинуясь жесту хозяина, Обермейер сел в глубокое мягкое кресло.

Лицо американца – костистое, очень длинное, с сильно развитой и выдававшейся вперед челюстью – выбрито до синева. Его высокий лоб и маленькие колючие глаза показались Обермейеру знакомыми.

На хозяине был серый костюм в крупную полоску, сшитый просторно. Заложив руки в карманы, американец попы-

хивал сигарой.

– Как мне известно, вы несколько лет прожили в Чехословакии? – спросил он Обермейера.

– Почти всю жизнь.

– Чешский язык знаете?

– Кроме родного, владею чешским, словацким и английским языками.

Американец, не сбрасывая пепла с сигары, следил за тем, как синяя струйка дыма подымается в воздух.

– Какого вы мнения о чехах? Кажется, они вам изрядно насолили? Вы их должны ненавидеть.

– Они не заслуживают моей ненависти, – ответил Обермейер. – Я их просто презираю.

В маленьких карих глазах американца вспыхнул на мгновение злой огонек. Он сказал:

– Чехи давно испытывают наше терпение, но это им дорого обойдется. Мне доложили, что вы согласны выполнять наши поручения. Это так? – И, не дожидаясь ответа, он продолжал: – Придется, конечно, подготовить себя к самым неожиданным приключениям. Люди в нашем возрасте уже начинают избегать приключений, но ничего не поделаешь. Для меня и для вас они неизбежны. Вы не жалуетсяесь на здоровье?

Обермейер ответил, что чувствует себя хорошо.

Американец одобрительно кивнул головой. Затем он предупредил, что Обермейеру предстоит работать не в центре Чехословакии, а у ее западной границы с Баварией, восточ-

нее города Регенсбурга. Там есть очень удобная вилла, приспособленная для специальных задач. Он дал понять Обермейеру, что его кандидатура согласована с генералом Гудерианом, который сейчас занят организацией разведывательной службы в Западной Германии.

Американец вынул из ящика стола папку с бумагами, перелистал их и спросил:

- Будучи в Праге, вы знали штурмбаннфюрера Зейдлица?
- Знал, – не колеблясь, ответил Обермейер.
- Чем он занимался?

Обермейер рассказал. У Зейдлица был особый, самостоятельный участок работы. Его резиденция находилась на островах, на загородном озере. Там он и его небольшой штат занимались «приобретением» специальной агентуры. Совершенно неожиданно на острова был совершен налет. Видимо, чешскими партизанами. Люди Зейдлица были перебиты, документы похищены. Куда исчез сам Зейдлиц, не установлено.

Американец прищурил свои маленькие, похожие на ягодки глаза и некоторое время помолчал.

– Похоже на правду. Вот это досье, – он встряхнул папкой, – хранилось в чехословацком Корпусе национальной безопасности. Там некоторое время работал наш человек. Он и доставил нам это досье. Но вся беда в том, что ему и нам до конца не повезло. При переходе через границу чехи подстрелили нашего агента. Он приполз к нам смертель-

но раненный. Несколько часов провалялся в беспомощности и умер, не успев дать пояснений. Вам это лицо знакомо? – хозяин через стол протянул Обермейеру папку, к обратной стороне ее обложки была приколота фотография.

У Обермейера брови полезли вверх.

– Я знаю этого человека, – ответил он. – Это чех Рудольф Гоуска, давнишний поклонник моей сестры.

– Что вам о нем известно?

– Что известно? – переспросил Обермейер. – То, что он видный коммерсант, представитель фирмы «Колбен-Данек», человек, близко связанный с деловыми кругами Праги.

– Знаете ли вы о том, что он сотрудничал с Зейдлищем?

Обермейер отрицательно покачал головой. Нет, об этом он не знает, да и не мог знать. Постановка дела на пункте Зейдлища исключала всякую возможность знать его агентуру.

– А ваш шеф, штандартенфюрер фон Термиц, мог это знать? – поинтересовался американец.

– Едва ли. Термиц говорил мне, что успехи Зейдлища объясняются тем, что он умеет держать язык за зубами.

Американец взял из рук Обермейера досье и положил в ящик стола.

– Что вы знаете о Владимире Крайне? – задал американец новый вопрос.

Обермейер ответил не сразу. И не потому, что вопрос его озадачил или он забыл, кто такой Крайна. Совсем нет. Еще

нужно было собраться с мыслями, привести их в порядок, вспомнить даты, обстоятельства дела. Как-никак с той поры прошло четыре года, а осведомленность американца заставляла быть точным в ответах. Если американец располагает досье, выкраденным из недр Корпуса национальной безопасности, то легко допустить, что он знаком и с уцелевшими архивами гестапо и, стало быть, все знает о Крайне.

– Если мне не изменяет память, – начал Обермейер, собравшись с мыслями, – на след Крайны мы попали в начале сорок третьего года: или в конце января, или в первых числах февраля. Первое сообщение о нем поступило в наш аппарат, кстати сказать, от штурмбаннфюрера Зейдлица. В сообщении говорилось об учителе, который якобы был связан с Крайной. О том, что Крайна подпольщик и связан с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне, мы знали раньше. Учитель (я не помню его фамилии) был найден и подвергнут аресту. Через него мы вышли на самого Крайну и задержали его в городе Турновы.

– От кого он действовал в подполье? – прервал американец.

– От партии национальных социалистов.

– Хорошо. Продолжайте.

– Из Турнова Крайну доставили в Прагу, во дворец Печка. На допрос приехал наместник фюрера в Чехословакии, покойный Франк. Крайна выдал своих сообщников, за что Франк сохранил ему жизнь. Больше того, поскольку Край-

не были известны пароли, коды, шифры, он выдал нам своего радиста, через которого поддерживал связь с Лондоном. Нам удалось завязать игру с чехословацким эмигрантским правительством и снабжать его информацией, в которой мы были заинтересованы. В наши руки попали парашютисты из Лондона, сброшенные в Чехословакию. Крайна оказал нам значительную помощь в нашей борьбе с подпольем и в поимке лондонских парашютистов. Вот вкратце все, что мне известно.

– Где он содержался под арестом?

– Первое время в гестапо. Позже ему создали соответствующие условия в Терезинском концлагере. Ему предоставили возможность жить вместе с женой.

– Не совсем умно, – заметил американец.

– Да, пожалуй, – согласился Обермейер.

– Хорошо начатое дело подпортили, и оно начало припахивать, – продолжал американец. Он подал гестаповцу лист бумаги. – Вы не знаете, в чьих руках побывал этот рапорт, прежде чем он попал к вам?

Это было подлинное письмо начальника Терезинского лагеря, отправленное на имя начальника гестапо оберштурмбаннфюрера СС Герке. Обермейер припомнил, что Герке, передавая в лагерь Крайну и его ближайших сообщников, выразил уверенность, что когда-нибудь один из этих «почетных» узников займет место в министерском кресле.

– Он уцелел, этот Крайна? – спросил Обермейер.

Что-то похожее на улыбку скользнуло по губам хозяина.

– Как ни странно, уцелел, – ответил он. – Вы знали его лично?

Обермейер усмехнулся. Знал ли он Крайну? Конечно, знал. Он сопровождал его из Турнова в Прагу. Участвовал в его допросах. Он отвозил Крайну и его жену в Терезинский лагерь. Несколько раз по поручению гестапо он навещал его в лагере и выяснял отдельные вопросы, возникавшие в связи с «игрой», которую Обермейер вел благодаря Крайне с чехословацкими эмигрантами в Лондоне.

– Если бы вы теперь встретились с Крайной, он узнал бы вас? – задал новый вопрос американец.

– Не сомневаюсь, – уверенно заявил Обермейер. – А где Крайна сейчас?

– В Праге. Он является генеральным секретарем одной из правительственных партий – национально-социалистической партии. Ни больше ни меньше.

Белесые глаза Обермейера округлились. Крайна в Праге! Он – генеральный секретарь! Куда же смотрит национально-социалистическая партия? Ведь Крайна выдал со всеми потрохами ее подполье в сорок третьем году! А Бенеш? А нынешние министры, национальные социалисты вроде Зенкла, Дртины, Рипки, которые в те годы сидели в Лондоне и которых гестапо водило за нос через Крайну, – о чем думают они?

Обермейер припомнил еще один факт, относящийся к де-

ду и сказал:

– Как-то в присутствии обергруппенфюрера СС Герке и моем покойный господин Франк спросил у Крайны: что он предпримет, если Россия одолеет Германию? Крайна, не колеблясь, ответил, что будет бороться против России, извечным врагом которой себя считает. Франку это понравилось. Вам, очевидно, известно, что в те дни, когда в Праге поднялось восстание, Франк прочил Крайну в новое правительство.

Американец кивнул головой: конечно известно. Но лучше бы Франк не раскрывал тогда своих карт. Однако дело не в этом.

– Важно то, – сказал он, – что сейчас Крайна является не только врагом России, но и врагом нового порядка в Чехословакии. Он один из тех деятелей, на которых можно опереться. Он не сидит сложа руки, он ведет целеустремленную работу, но его следует прибрать к рукам, прибрать, пока не поздно. Надеяться на то, что его связи с гестапо надолго останутся тайной, у меня нет оснований. Чехи тоже не дураки. Их министерство внутренних дел, кажется, уже нащупало кое-что. Поэтому важно не упустить момент и использовать Крайну как можно эффективней.

Обермейер уже догадывался, к чему американец клонит речь. Дальнейший ход беседы подтвердил его догадку. Американец долго распространялся о том, какую ценность для них представляет Крайна, какую роль он может сыграть в

плане борьбы с коммунистами.

– Перед вами я хочу поставить такую задачу: повидаться с господином Крайной, кое о чем ему напомнить и договориться в свете новых требований. Это будет для вас своего рода экзамен. Выдержите – я вас откомандирую с аттестатом зрелости к генералу Гудериану. Не выдержите...

Американец не закончил фразы, да в этом и не было нужды. Бывший гестаповец отлично понимал, что последует, если он не выдержит экзамен.

Он решил точнее определить свою роль и поэтому спросил:

– Это все, что от меня требуется?

– Это главное, – ответил американец. – Главное потому, что связано с экскурсией в Прагу. А попутно вам придется заняться кое-какими мелочами...

2

По пути на виллу Обермейер решился спросить полковника, который сопровождал его до Регенсбурга:

– Надеюсь, мне можно узнать, с кем я сейчас беседовал?

Полковник ответил:

– С господином Борном.

Вот оно что! Так. Теперь все окончательно прояснилось. Фамилия Борн говорит о многом. Об очень многом. Не обязательно нужно встречаться с Борном, чтобы знать, кто он.

Борн – это Управление стратегических служб США. Это – история. В сорок первом году гестапо стало известно об учреждении УСС. Правда, вначале оно не называлось управлением и представляло собою более скромное учреждение. Во главе его был поставлен генерал Уильям Доновэн, а к работе привлечены такие лица, как бывший посол США в Германии Хью Вилсон, брат сенатора-республиканца Фостера Даллеса Аллен Даллес, один из создателей «американского легиона» – Бакстон, двоюродный брат Черчилля Раймонд Гест, родственник известного американского магната Меллона Поль Меллон, нынешний советник посольства США в России Джордж Кеннан. По одному этому можно было предвидеть, чем станет это учреждение в недалеком будущем и какие надежды возлагает на него правительство США.

Кого-кого, а уж генерала Доновэна гестапо прекрасно знало. В довоенные годы он был американским наблюдателем в Европе, а затем при войсках Франко в Испании. В то время, когда гестапо (и лично Обермейер) душили движение сопротивления в Чехии и Словакии, они уже явно начали ощущать соседство незримого помощника в лице представителей Доновэна.

В конце сорок второго года Аллен Даллес со своим помощником Ноэлем Филдом обосновались в Берне. Наивно думать, будто гестапо не догадывалось о подлинной роли этих американских «патриотов». Гестапо не только догадывалось, но и многое знало. Знал кое-что и Обермейер. Раз-

нообразные слухи проникали через границы и огненные рубежи во дворец Печека.

В сорок втором году болтали о том, что у Даллеса и Филда всегда могут найти себе работенку не только американцы, англичане и французы, но и немцы, австрийцы, венгры, что денег у них на всех хватит.

В сорок третьем году без конца склонялись имена адмирала Канариса и обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера. Эти имена связывались с именем все того же Даллеса. Ходили слухи и о том, что верных людей УСС можно найти в германском министерстве иностранных дел и даже в гестапо. При этом намекали на Канариса, на германского вице-консула в Цюрихе Гизевиуса и на других сановитых немцев.

Позднее, в конце сорок четвертого года, имя Борна стало встречаться в обзорах гестапо. Борна видели то в Берне, на Гарригассе или на Набережной Вильсона в доме № 39; то в Каире, где ждал приговора истории нездоровый югославский король Петр, потерявший свое королевство; то в Лондоне, где один из отделов УСС проводил работу по использованию движения сопротивления в оккупированных немцами странах в полном контакте с Интеллидженс сервис.

Прошлого Борна пытались «просветить». Доходили сведения, что Борн доверенный человек Уолл-стрита и что о нем много интересного мог бы рассказать Аллен Даллес. Всюду этот Даллес!

Как-то на одном из совещаний в гестапо оберштурмбанн-

фюрер СС Герке, упомянув о Борне, агент которого был пойман в Праге, сказал, что за спиной Борна стоит не только Даллес, но и такие американские киты, как Меллон, Дюпон, Морган, Вандерблит. В связи с этим решено было изловленного агента не расстреливать. Герке распорядился посадить его «на подкормку». Всякое случается в жизни! Ведь пригодился же Крайна. Да еще как пригодился!

Глава четвертая

1

После позднего сытного обеда и неумеренно выпитого коньяка Гоуска отлично выспался. Освежив себя холодной водой и одеколоном, он сбросил пижаму и надел костюм самого модного покроя, темно-синего цвета с глубокой серебристой полоской – отличный костюм, сшитый в Берне. Затем он повязал красный галстук. Оглядев себя в зеркало, он остался вполне доволен.

Легкое осеннее пальто. Трость. Кажется, все в порядке. Через веранду Гоуска вышел в сад.

Сад одевался в золотую парчу осени. Сникали к земле ветви яблонь и груш, униженные тяжелыми спелыми плодами. Доцветали поздние цветы на клумбах.

Вечерело. На пушистых облаках горел отсвет зари, еще пламеневшей на западе.

Но Гоуска не был расположен любоваться красотой угасшего осеннего дня. Он спокойно покурил сигару, прохаживаясь вдоль длинной веранды, укрытой зеленой занавесью. Он терпеливо выжидал, пока совсем стемнеет.

Борн, отправляя его в Прагу, обязал связаться по телефону с Прэном и дал его квартирный адрес. Но Гоуска, в си-

ду старого знакомства с Прэном, решил явиться к нему без звонка. Он не хотел утруждать себя размышлениями, удобно это или неудобно.

Наконец стемнело. Гоуска вышел на улицу.

Найдя указанный ему дом и убедившись, что он ничего не напутал, Гоуска поднялся на площадку третьего этажа. Здесь он отдышался, вытер платком потное лицо и нажал кнопку звонка.

Дверь открылась. Гоуска попятился, почти теряя сознание: перед ним в изящном платье стояла Эльвира Эрман.

– Заходите, заходите, дорогой пан Гоуска. Что вас так смутило?

– Я... я... – невнятно лепетал гость, – я полагал увидеть господина...

– Прэна, – закончила Эльвира.

– Совершенно верно.

– Вы не ошиблись, заходите. Я его жена.

Снимая в прихожей пальто, Гоуска не мог скрыть своего удивления столь неожиданным замужеством Эльвиры – женщины, с которой в прошлом он был очень близко знаком.

Проведя Гоуску в гостиную, Эльвира с охотой удовлетворила его любопытство. Вот как это произошло. Прэна она знала еще до войны. Они часто встречались и были дружны. Но замуж за него она вышла только в сорок четвертом году.

– А где же ваш брат? – спросил Гоуска.

– Не знаю. С сорок пятого года не имею никаких известий.

Я допускаю, что он погиб.

По тону, каким это было сказано, Гоуска мог понять, что исчезновение родного брата не слишком опечалило сестру.

Эльвира ему не понравилась. Красота ее поблекла, цвет лица погрубел и утерял былую свежесть. На висках проступила желтизна.

– Я, изменилась? Скажите правду, – сказала Эльвира.

– Если вы и изменились, то только в лучшую сторону, – с галантным поклоном ответил Гоуска. – А я?

– Чуть-чуть пополнели. Но это вам идет. Толстеньким вы нравитесь мне больше.

– Рад слышать это от вас, – еще раз поклонился Гоуска и грустно улыбнулся.

Эльвира принесла бутылку вина и фрукты.

Пока они перебирали прошлое, появился Прэн и с ним мужчина, назвавший себя Сойером.

Прэн встретил Гоуску дружелюбно, почти радушно, как старого друга.

– Вы не боитесь, что в Праге вас могут потревожить, как коллаборациониста? – спросил он с улыбкой.

– Что вы! – дернулся Гоуска. – Почему? Как это может быть? Нет, нет, никаких неприятностей я не жду. С вами я могу быть вполне откровенен: перед чехами я чист и свят, как новорожденный младенец.

Прэн громко расхохотался, откидывая голову назад; при этом его кадык запрыгал так, будто Прэн пил воду.

Сойер не смеялся. Почти резко он заметил:

– Откровенным быть не обязательно. Откровенность – это, пожалуй, самая меньшая добродетель разведчика.

Готовый ответить шуткой, Гоуска погасил улыбку – в данном случае она была неуместна. В голове мелькнуло: «Конечно, они все знают обо мне, подлецы».

Сойер почему-то вызвал в Гоуске чувство непреодолимой антипатии. Это был малорослый, плотно упитанный человек с крохотными бледно-голубыми глазами, с головой лысой, как колено. Всем видом своим он напоминал бургера. За каждым его словом Гоуска угадывал скрытую желчность и раздражительность. Каждая черточка его лица, его жесты, мимика выражали презрение и брезгливость к людям. От него веяло равнодушием.

«И зачем он здесь торчит? – досадовал Гоуска. – Неужели и в таком негласном деле нельзя обойтись без свидетелей?»

И он был немало удивлен, когда Прэн и Эльвира, не сказав ни слова, вышли из комнаты и оставили его с глазу на глаз с Сойером.

После минуткой паузы Сойер сухо предложил:

– Давайте поговорим о деле.

Все прояснилось. Значит, с Сойером, а не с Прэном Гоуска будет связан по работе.

Несколько коротких вопросов американца убедили Гоуску, что Сойер хорошо осведомлен обо всех его обстоятельствах.

– С особняком, надеюсь, все утряслось? – спросил Соьер.

– Да.

– Службу получили?

– Получил.

– Встречаться будете со мной. О существовании Прэна и Эльвиры забудьте. Считайте, что их нет в Праге.

Гоуска кивнул головой.

Соьер остановил на нем свой презрительный взгляд и продолжал вопросы:

– Господин Борн поручил вам побывать в Злине и Пльзене?

– Да. Его интересует состояние комбинатов Бати и Шкоды. Данные о том, как они восстанавливаются и какого уровня достиг выпуск продукции, он просил подготовить к его приезду. Но когда господин Борн приедет, он не сказал.

Соьер посоветовал не откладывать поездки. Он поинтересовался:

– А личные ваши коммерческие дела в Швейцарии вы свернули?

Гоуска ответил не сразу. Вначале он хотел отделаться общей фразой, но передумал и решил быть откровенным.

– Должен признаться, у меня ничего там не получилось. Я ограничился тем, что пристроил свой небольшой капитал под выгодные проценты. Видите ли, в чем дело: все карты путает план Маршалла. Ваши земляки забили все города Швейцарии своими товарами, и швейцарцы только ахают

и стонут. Они не могут выдержать конкуренции. Я сунулся в текстильную промышленность, в табачную – везде такая же картина. Наконец я затеял деловые переговоры с администрацией заводов «Испано-Суиза», но и эти переговоры пришлось прервать. Автомобильные промышленники страдают от ваших машин не меньше, чем виноделы от «Кока-кола».

Сойер и глазом не повел в ответ на разглагольствования Гоуски. Возможно, они его удовлетворили. Сойер перешел к другим вопросам.

Он сказал, что сейчас, в связи с постигшим страну неурожаем, следует все усилия направить на увеличение затруднений. Практически этого можно добиться путем дезорганизации рынка, перекачки товаров и продуктов из государственного сектора в частный, путем поощрения спекуляции, порчи зерновых и фуражных запасов. Сейчас в Праге широко разворачивается торговая сеть кооператива «Братство». Надо заняться этим кооперативом. На первых порах желательно сокращать наряды на фонды, выделяемые кооперативу, и перекачивать их на черный рынок. Снабжение населения – это мощный рычаг. При умелом пользовании им всегда можно повернуть политику в ту или в другую сторону.

– В помощь вам я выделяю трех проверенных на практической работе людей, и начинайте действовать, – сказал Сойер. – А дополнительные кадры вы создавайте уже на свой риск и страх. У вас широкие связи.

– Не жалуюсь. Кое-кого я уже встретил.

– Тем лучше. Только не медлите.

Последнее требование Гоуске не понравилось. Он не привык пороть горячку. Чтобы раз и навсегда определить свое положение, он сдержанно, но твердо заявил:

– Только прошу не подгонять меня. Люди, господин Соьер, скроены не на один аршин. На одних полезно покрикивать, а у других от крика все валится из рук. Им нужна поддержка, одобрение, и тогда они готовы горы свернуть. Я отношу себя к числу последних.

Соьер пропустил эту сентенцию мимо ушей.

– Вам господин Борн выдал деньги?

– Да.

– Когда еще понадобятся, скажете мне.

Гоуска оживился и потер ладонью о ладонь. В его глазах появился давно утраченный блеск.

Беседа продолжалась. Гоуска условным кодом занес в записную книжку адреса и фамилии лиц, которых Соьер выделил ему в помощь. Договорились о следующей встрече.

Потом Соьер пригласил Прэна, и тот проводил Гоуску через черный ход во двор, откуда Гоуска выбрался на набережную.

2

После ухода коммерсанта между Соьером и Прэном завязался деловой разговор.

– Ну, какие сведения вам удалось собрать о Франце Лишке? – спросил Сойер.

Прэн рассказал. Лишка – инженер, специалист по эксплуатации сельскохозяйственных машин, работает сейчас в министерстве земледелия, в Главном управлении машинно-тракторных станций. Образование получил в Германии. В прошлом социал-демократ. Ориентировался всегда на правое крыло партии, но в тридцать шестом году примкнул к троцкисту Нейману. В тридцать девятом году упорно добивался визы на въезд в Америку, но так и не добился. Остался в протекторате. Потом перебрался в Словакию, где работал в имении своего дальнего родственника по матери, некоего Пофача. В период словацкого восстания сделал резкий крен влево и примкнул к повстанцам. Тогда же по рекомендации Сланского вошел в коммунистическую партию. Сейчас не на плохом счету.

– Это все?

– Пока все.

– Вы его видели когда-нибудь? – спросил Сойер.

– Один раз, только издали. Но хорошо запомнил. У него характерная физиономия. Очень похож на борца-профессионала среднего веса.

Сойер сунул руку во внутренний карман пиджака и вынул оттуда фотокарточку кабинетного размера, наклеенную на картон. Он подал ее Прэну.

– Узнаете?

– Да, это он.

На фото были изображены трое: пожилой мужчина с тяжелым лицом и узеньким лбом, миловидная пышноволосяя женщина и мальчик лет четырех.

– Семья? – спросил Прэн.

– Да, жена и ребенок. Говорят, у жены довольно шаткое прошлое. Она вертелась в кругу артистов или сама была актрисой, пока не выяснено. О себе она рассказывает неохотно.

Прэн пристально разглядывал незнакомое лицо сравнительно молодой еще женщины. Нет, он никогда ее не встречал.

– Может быть, ее знает Эльвира? – спросил он и позвал жену.

Эльвира, взглянув на фото, улыбнулась.

– Роза! Как к вам попал этот снимок?

Вместо ответа Сойер задал встречный вопрос:

– Вы ее знаете?

– Конечно.

– Кто же эта сирена? Она довольно интересна.

– Не так интересна, как грешна. Я ее знаю под именем Розы. Фамилии не помню, да, наверно, и никогда не знала. До войны она была подругой одного крупного пражского коммерсанта и долго водила его за нос. Ходили слухи, что коммерсант хочет затеять бракоразводный процесс со своей старой женой, чтобы взять в жены Розу. Потом эти слухи затихли, и я встречала ее одну.

– Все, что касается этой особы, нас сильно интересует, – оживился Соьер. – И я очень попрошу вас вспомнить и рассказать нам поподробнее, как вы с ней познакомились, какие между вами были отношения, как часто вы с ней встречались.

Эльвира, держа в руках фотокарточку, села к столу.

– Это, если не ошибаюсь, относится к тридцать седьмому году. Вы, наверно, помните: на окраине Праги, за Виноградами, два предприимчивых, состоятельных джентльмена открыли клуб-ресторан закрытого типа. По сути дела клуб служил местом для интимных встреч. Здесь каждый мог сохранить свое инкогнито. Попасть в этот клуб было не легким делом. Право на вход в любое время суток давала рекомендательная визитная карточка одного из его завсегдатаев. В их числе состояли или члены тогдашнего правительства, или финансовые воротилы. Я лично впервые попала в клуб с Гоуской, который получил визитную карточку, кажется, от Фейерабенда.

Эльвира передохнула, положила на стол фотокарточку и, закурив, сделала несколько глубоких затяжек. Потом она продолжала:

– Клуб производил хорошее впечатление. По внутреннему убранству он походил на средневековый замок. Это было очень удобное место для встреч политических деятелей, дипломатов. Обычно гости появлялись поздно вечером, а разъезжались под утро. Клуб посещали бывший премьер-ми-

нистр Милан Годжа, министр внутренних дел Черны, директор живностенского банка Прейс, немецкий посол Эйзенлор, югославский атташе Михайлович. И другие, которых я сразу не припомню.

– И ты часто бывала там? – спросил Прэн.

– Раза три или четыре.

– Ну-ну, продолжайте, – нетерпеливо проговорил Сойер.

– Вот в этом интересном уголке я и познакомилась с Розой. Гоуска знал ее друга. Потом Роза частенько бывала у меня в Карлсбаде. Когда я возвратилась из Будапешта, она заглядывала в «Альгамбру», где я выступала. Вела она себя всегда бесцеремонно, развязно, ко мне относилась хорошо и была откровенна со мной.

Сойер мелкими ровными шажками забегал по комнате.

– Вы точно помните, что она была с вами откровенна? – спросил он.

На лице Эльвиры появилась досадливая гримаса. Этот Сойер не доверяет не только другим, но, кажется, и самому себе. Обязательно раз десять переспросит, потребует точности.

– Я знаю, что говорю, – недружелюбно ответила Эльвира.

Прэн поспешил разрядить обстановку.

– Ты ее встречала после войны?

Нет, Эльвира ее не встречала.

– Она тебя узнает, если встретит? – опять спросил Прэн.

– Ты же меня узнал в Лиссабоне! Почему же Роза не узна-

ет?

Сойер понял, что от Эльвиры ничего больше не добьешься, и, не подав руки, шмыгнул в дверь. Сойер полагался на опытность своего друга и был уверен, что он доведет дело до конца.

Глава пятая

1

Антонин Слива сидел в кабинете Лукаша. Их разделял письменный стол.

Лукаш внимательно прочитал последний документ, лежавший перед ним, подписал и, передавая папку Сливе, спросил:

– Все?

– Нет, еще не все, товарищ Лукаш. Сегодня, имея ваше указание, я посетил Гофбауэра и узнал, что в Праге появился Гоуска. Вернулся. Три дня как вернулся. А вчера его приняли на работу в министерство внешней торговли с личной санкции министра Губерта Рипки. Гофбауэр живет в его доме. Гоуска перевез семью в особняк, а Гофбауэра назначает чем-то вроде управляющего своей загородной виллой. Гофбауэру удалось выяснить интересные обстоятельства. На выселение из особняка Гоуски жильцов и на возвращение особняка старому владельцу имелось письменное предписание министра юстиции Дртины и устное согласие заместителя председателя Совета министров Зенкла.

– Этого можно было ждать, – медленно произнес Лукаш. – И что ты предлагаешь?

– Арестовать его, – не задумываясь ответил Антонин.

Лукаш покусал кончик уса и проговорил неторопливо:

– Ни больше ни меньше, как арестовать?

– Да.

Последовало долгое молчание. Лукаш о чем-то раздумывал. Антонин не мог разгадать его мыслей, хоть и следил за выражением лица Лукаша. Лицо Лукаша оставалось непроницаемым.

Наконец он спросил:

– Значит, арестовать?

– Да, – настойчиво повторил Антонин. Он был твердо убежден, что арест – наиболее правильное решение. Правильное и, пожалуй, единственное. Какие другие меры можно принять?

– А за что?

– И вы спрашиваете – за что? – удивленно спросил Слива и приподнялся с кресла. – Неужели это требует пояснений? За сотрудничество с гестапо.

Лукаш надул щеки и шумно выпустил воздух.

– А кто это может подтвердить?

– Я. В любое время.

– Один ты?

– Да, я. Конечно, я. Кто же, кроме меня? О том, что Гоуска состоял в агентуре Зейдлица, один только я и знаю, я единственный живой свидетель. Ведь досье со всеми материалами на Гоуску похищено.

Лукаш машинально выдвинул ящик письменного стола, задвинул его обратно, потом встал, подошел к окну и, повернувшись спиной к Сливе, стал смотреть на ночную Прагу.

Долго и неподвижно он стоял так, словно забыв о присутствии подчиненного. Потом, не оборачиваясь, спросил:

– Гоуска знает тебя под именем Сливы?

«Наконец-то!» – с облегчением подумал Антонин и ответил:

– Нет. В то время в подполье я действовал, как помните, под именем Барабаш.

Лукаш отошел от окна, спокойно пододвинул кресло. Казалось, он говорит сам с собою:

– Гм... Барабаш. А теперь Слива. Что бы я думал по этому поводу на месте Гоуски? Гм... Да... Я бы на его месте решил, что Слива удачно пристроился в новых условиях. А как же иначе? Переменил фамилию, похоронил прошлое.

Такая манера думать вслух стала свойственна Лукашу и хорошо известна его подчиненным. И теперь, познакомив Антонина с ходом своих рассуждений, он сказал:

– Получается довольно занятно, как ты находишь?

Слива должен был признать, что действительно получается довольно занятно.

Лукаш продолжал:

– Один гестаповец сбежал в свое время, другой – остался в Праге, замаскировался, и вот судьба снова свела их, и они узнали друг друга.

– Ага, – коротко обронил Слива.

– Допустим на малую секунду, что ты не патриот, а действительно тот предатель, за кого тогда себя выдавал. Как бы отнесся к тебе Гоуска при встрече?

Мысль начальника отдела теперь была совершенно ясна Антонину Сливе. Он ругал себя в душе за то, что не сумел сам додуматься до такой на первый взгляд простой вещи.

Антонин ответил:

– Как к сообщнику.

– Я тоже так полагаю. Да и ты к нему, на месте предателя, должен был отнестись не иначе. Тем более что с островного гестаповского пункта ни одного живого свидетеля не осталось.

– Да, из свидетелей никто не уцелел, – подтвердил Антонин. – За это я ручаюсь.

– Смотри, что получается! Хм... Особняк ему вернули Зенкл и Дртина, на службу устроил Рипка. Нет, нет, арестовывать его преждевременно. Это очевидно, даже если бы и не пропали изобличающие его материалы. Решим так: в ближайшие дни ты встречаешься с Гоуской. Обязательно встречаешься. Но сделай это так, чтобы не ты, а он тебя узнал первым.

– Понял. Все понял, – заверил Слива.

Антонин давно привык к своему новому положению, к новым отношениям с Лукашем. Тем не менее, когда Лукаш обращался к нему не на «вы», как требовала служба, а на

«ты», он проникался к нему каким-то теплым, светлым чувством, скорее сыновним, нежели товарищеским. В такие минуты душевные силы его возрастали, и он готов был голову положить, но только выполнить как можно лучше поручения Лукаша.

2

Это осуществилось незадолго до начала занятий в министерстве внешней торговли. Гоуска торопился в должность и при выходе из дому столкнулся лоб ко лбу со стройным молодым человеком в форме Корпуса национальной безопасности. Надо было посторониться. Гоуска поднял голову, и в глазах его отразился ужас.

Он попятился, снял шляпу, в смущении прижал ее к груди.

Наконец он выдавил из себя короткую фразу:

– Мы, кажется, знакомы?

Антонин стрельнул по сторонам глазами.

– Господин Гоуска? – тихо проговорил он.

– А это вы, пан Барабаш? Господи Иисусе!

Антонин быстро оглянулся, потеснил Гоуску к выходу, взял под руку и прошептал:

– Не Барабаш, а Слива... Запомните: Слива.

– Слива? – переспросил Гоуска.

– Совершенно верно. Слива.

На улице Антонин освободил руку Гоуски, и они пошли вдоль по тротуару.

– Фамилию Барабаш вы совершенно забудьте. Вы понимаете меня? Это в наших общих интересах...

У Гоуски отлегло от сердца. Сомнений быть не могло: Барабаш переменял фамилию. Какая тревожная жизнь! Он почувствовал, что бывший Барабаш сильно взволнован, и решил его приободрить.

– Я рад... от души рад вашему новому положению.

– Не говорите так громко, – остерег его Антонин.

Гоуска понизил голос:

– Вы не уезжали из Праги?

– Нет.

Гоуска покачал головой.

– Откровенно говоря, я насмерть перепугался, когда узнал вас. Я не мог догадаться о вашей метаморфозе.

– Я был напуган не меньше вашего, – «признался» Антонин.

– Но как же нам быть дальше? – горячо заговорил Гоуска. – Я хочу вас повидать в другой обстановке и говорить, говорить. Но меня уже, наверно, ждет машина.

– Я тоже не располагаю сейчас ни одной свободной минутой, – сказал Антонин.

Гоуска предложил:

– Знаете что? Приходите завтра ко мне запросто. Я по-прежнему живу в своем особняке.

– Завтра? – Антонин сделал вид, что раздумывает.

– Да, завтра.

Антонин потер свой энергичный подбородок и подал Гоуске руку.

– Хорошо. Завтра я буду у вас. В восемь вечера для вас удобно?

– Вполне.

Крепкое рукопожатие, и Слива зашагал своей дорогой. Гоуска некоторое время провожал его взглядом. «Как ему удалось перекраситься? – думал он. – Кто ему помог? Какой все же дерзкий и рискованный парень! Ай-яй-яй!.. Надеюсь, завтра он выложит мне все начистоту». Гоуска усмехнулся.

Глава шестая

1

Божена встречала Нерича на вокзале.

Бледная от волнения, терзаемая самыми противоречивыми чувствами, она вышла на перрон, держа в руках букет осенних цветов. Божена испытывала и радость, и смущение, и страх перед тем, что должно сейчас произойти. Она боялась первой минуты, первого мгновения, когда Нерич выйдет из вагона и она увидит его. Она была уверена, что он сильно изменился и уже не тот Милаш, которого она любила, которого ждала, образ которого жил в ее душе. Может быть, и она уже не прежняя – и он разочаруется, охладет к ней. Впрочем, не только этого боялась Божена. Чувство редко возникает с первого взгляда и так же редко умирает без причины. Другое тревожило и пугало ее. Будущее! Не обманулась ли она в своих ожиданиях? Вот сейчас, через несколько минут, подойдет поезд, выйдет Милаш, и все сразу изменится в ее жизни. Она перешагнет через порог в иной мир. Не станет привычной свободы, своих личных дел, забот и желаний. Жена, подруга любимого человека и в скором времени – мать. Что ж, когда-нибудь надо же переступить этот порог. Она любит Нерича. Что бы ни ожидало их в жизни,

она останется с ним навсегда.

Придя к этой мысли, Божена немного успокоилась и стала прогуливаться по перрону. Но едва послышался гудок локомотива и шум приближающегося поезда, как ее снова охватило волнение. Бледная, она подошла к самому краю перрона и вместе с встречавшими смотрела вдоль пути, стараясь разглядеть среди скопления составов очертания надвигающегося локомотива.

Потом в глазах ее стало темнеть, и она закрыла веки. Поезд прогрохотал совсем близко. Открыв глаза, Божена увидела перед собой мелькающие вагоны. Из окон выглядывали улыбающиеся, настороженные, удивленные лица; их было так много, что Божена не успевала следить за ними. Поезд остановился, все с возгласами и криками устремились к вагонам. Божена тоже побежала, подняв над головой букет цветов.

Она не узнала Нерича, и если бы он не окликнул ее, она пробежала бы мимо. Милаш был не один. С ним рядом шли старик и пожилая дама... Очевидно, его спутники. Они протянули Неричу руки, говоря по-сербски. Об быстро отвечал, протискиваясь к Божене, и наконец оказался около нее. Смущенная, она протянула ему букет, но он не взял его, а только сжал ее руки и горячо поцеловал в губы. Божена вспыхнула и опустила голову. Нерич взял Божену под руку и повлек к выходу.

Он говорил без умолку, засыпал ее вопросами и, не дожи-

даясь ответа, спрашивал снова и снова. Божена смогла уловить только его восклицания: «Наконец-то я в Праге!», «Какая чудесная осень!», «А ты все такая же милая!», «Что нового?», «Я изменился, постарел?», «Ах, как я торопился и все боялся, что ты не придешь на вокзал!».

Да и не все ли равно, что он говорит! Ведь это говорит он, Милаш, ее Милаш, которого она так ждала и который теперь идет с ней рядом.

Голова немного кружилась. Как много здесь людей, непрерывно снующих взад и вперед! Они сели в машину. Шофер спросил:

– В гостиницу?

– Да... Впрочем, нет! – Нерич с улыбкой посмотрел на Божену. – Надеюсь, ты не переменила адрес?

Божена тоже улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Не торопитесь, – бросил Нерич шоферу, – мне хочется посмотреть Прагу.

А Прага была великолепна в этот солнечный осенний день. Золотом подернутые кроны деревьев украшали город. Мягкие сиреневые тени лежали на стенах домов и на тротуарах. Бездонное небо клубилось синевой.

Нерич с восхищением смотрел на улицы города и изредка поворачивался к Божене, чтобы выразить ей то, чем полно было его сердце.

Божена боялась нарушить молчание. Странное, доселе

неизведанное чувство охватило ее. Она не могла понять, что случилось. Нерич сразу сломал все преграды, которые она все время видела перед собой и считала, что их не так легко преодолеть. С тайной робостью она ждала первых взволнованных слов Нерича, быть может нерешительных и даже смущенных. А он не сказал их. Как свою собственность, уже завоеванную, он поцеловал ее в губы и повел к машине, не спросив, хочет ли она с ним ехать.

Вот и тогда, вспомнила она, ни слова не сказав о любви, он вдруг попросил ее руки. И где – в ресторане! Теперь, после стольких лет разлуки, он держит себя как муж. «Нет, что-то не так, не так, как я себе представляла, как мне хотелось бы... Но разве я могу на него сердиться? Такой уж у Милаша характер. Я должна примириться с этим».

Но, оправдывая Милаша, Божена не испытала облегчения. Неприятное, тревожное чувство в глубине сердца продолжало волновать ее. Желая избавиться от него, Божена стала следить за движением на улицах. Но через минуту взгляд ее невольно скользнул по лицу Нерича. Он прислонил голову к полуопущенному стеклу. Божена осторожно стала разглядывать его, стараясь делать вид, что это случайно.

Нет, он остался прежним, он почти не изменился: все то же красивое, смуглое лицо, все тот же выпуклый лоб и волнистые каштановые волосы. Вот только у рта появилась резкая складка, которой раньше не было. Она оттягивает вниз края губ, отчего кажется, что он вот-вот опустит нижнюю

челюсть. Что-то бессильное и безвольное было в этой старческой складке на еще молодом лице Нерича.

Почувствовав на себе взгляд Божены, Нерич обернулся и сказал:

– Помнишь, вот здесь, под этим балконом, мы прятались от дождя?

Она улыбнулась, но как-то невесело, одними губами.

– Что с тобой?.. Ты недовольна, что я приехал? – спросил Нерич полушутя.

– Ну что вы, Милаш!.. Просто... я сама не знаю, но мне отчего-то хочется... плакать.

Нерич обнял ее и прикоснулся губами к ее волнующимся на ветру волосам.

– Моя хорошая, не говори мне больше «вы». Согласна?

Божена покраснела.

– Не знаю... попробую.

Теперь ей стало лучше. Неприятное чувство исчезло. Она знала, что исчезло оно не от слов Нерича, а от прикосновения его губ. Божена подняла глаза, чтобы встретиться с его взглядом, и вдруг по телу ее пробежал озноб. На нее смотрели совсем чужие глаза – не те глаза, которые она любила. Ни тепла, ни жизни, ни чувства не было в них. Они были пусты и голы, как осеннее поле. Только изжившая себя, усталая, со всем смирившаяся душа могла прятаться за таким взглядом.

Нерич отвернулся и больше ни разу за всю дорогу не посмотрел на Божену.

Божена старалась освободиться от тягостного впечатления. Она стала расспрашивать его о Швейцарии.

Он принялся оживленно рассказывать. Его способность говорить красочно и выразительно снова проявилась в полной мере. Незаметно для себя Божена позволила себя увлечь и забыла о тягостной минуте, которую только что пережила.

Когда машина остановилась у дома Божены, Нерич попросил разрешения приехать вечером.

– Сегодня? – спросила Божена.

– Конечно, сегодня.

– Я сегодня не могу... У меня кружок.

Нерич пожал плечами.

– После восьми лет разлуки – и первый вечер...

– Хорошо, я буду ждать вас, – решительно ответила Божена.

2

То, что смутно уловила Божена во взгляде Нерича, было только отблеском страшного и безвозвратного падения человека. Истасканный, потерявший всякую надежду на моральное возрождение, променявший лучшие побуждения своего сердца на кратковременный жизненный успех и показное благополучие, Нерич, дорожа жизнью, стал выполнять все, что требовали купившие его хозяева. Тридцать девятый год был для него последним «свободным» годом. Избавившись

от Обермейера и покинув Прагу, он вздохнул облегченно. Ему казалось тогда, что рабские цепи наконец разорвались и он начнет новую жизнь – жизнь, согласную с теми высокими принципами, которые были восприняты им в семье и в университете. В конце-то концов, предательство, которое он совершил, было навязано Обермейером. Разве Нерич хотел этого? Его обманули, завлекли, опутали, и другого выхода у него не было. Подлость по отношению к Божене, его вынужденное искательство ее руки – тоже инициатива проклятого Обермейера. Нерич сопротивлялся, отказывался, уклонялся, взывал к чести. И судьба пощадила его. Он не женился на Божене и вовремя уехал из Праги. «Перед ней я чист... или почти чист», – успокаивал себя Нерич, хотя в душе и чувствовал фальшь этих самоутешений. Если бы не отзыв Белграда, вряд ли Обермейер выпустил жертву из рук и вряд ли Нерич избежал женитьбы. Но как бы то ни было, все кончилось благополучно. Отправляясь в Будапешт, Нерич чувствовал себя счастливым. Конец, конец! К старому возврата нет. Мысленно он перечеркнул все, что было связано с его пребыванием в Праге.

Ошибка больше не повторится, рассуждал он, считая свое падение случайным промахом. Но промахи следовали один за другим. Боясь потерять свое благополучие, Нерич стал искать крепких хозяев, за спиной которых он мог бы сохранить и состояние и жизнь в такие тяжелые годы.

Из Будапешта Нерич поехал в Белград. Его прикоманди-

ровали к свите юного короля Петра. Когда Гитлер напал на Югославию и оккупировал ее, Нерич вместе с королем перебрался в Каир. Здесь ему не пришлось задержаться надолго. Король отправил его в штаб Михайловича в качестве своего представителя.

Драже Михайловича Нерич знал давно, с той поры, когда Михайлович был еще югославским военным атташе в Праге. В тридцать седьмом году, уезжая в Любляны, чтобы принять должность начальника штаба дивизии, Михайлович познакомил Нерича с подручным Конрада Гейнлейна, ублюдком Кундом. Из-за этого Кунда Нерич и попал в лапы Обермейера. Поэтому во всех своих последующих неудачах Нерич привык винить Михайловича. Он испытывал к нему отвращение.

Драже Михайлович как человек и теперь не вызывал в Нериче никаких симпатий. С той поры, как его имя стало широко известно во всех странах Европы, Михайлович необыкновенно высоко начал ставить собственное «я». Нерич знал, что рассчитывать на Михайловича так же трудно, как и на осеннюю погоду. Михайлович способен предать самого близкого ему человека ни за понюшку табаку, но перед его способностями карьериста Нерич не мог не преклоняться. Ум Драже Михайловича был туговат и неподвижен, но если кто-нибудь подкидывал ему подходящую идейку, он шел вперед, не брезгая никакими средствами, и с огромным упорством претворял эту идейку в жизнь.

Первое время Нерич не мог понять, чего добивается Михайлович. Ответ на этот вопрос помог ему найти Любич, с которым он пять лет назад распрощался в Будапеште и уже не рассчитывал больше встретиться.

Любич служил при свите Михайловича офицером связи югославского эмигрантского правительства.

– Мы попали с вами, как пауки в банку, – сказал он Неричу при первой же встрече. – Такого подлеца и интригана, как этот Драже, я в жизни еще не встречал. Он не брезгает ничем, и все ему сходит с рук. Вы, надеюсь, уже видели американца Дугласа Борна? Он пожаловал к нам этим летом в качестве представителя США. И, насколько я понимаю, США находятся в состоянии войны с Германией и ее союзниками – Венгрией, Румынией, Италией. Так, кажется?

Нерич усмехнулся: как будто так.

Любич продолжал:

– Борн сделался закадычным другом Михайловича. Их водой не разольешь. Но странно то, что все друзья Михайловича стали друзьями Борна. Осенью этого года, когда мы были еще в Сербии, я сделался очевидцем факта, от которого в моей голове все перевернулось. Драже устроил свидание представителя немецкого командования Штеркера с представителем США Борном. Они мирно беседовали и так же мирно расстались. Михайлович ориентируется на короля Петра, от имени которого явились вы; на югославское правительство в Лондоне, которое прислало меня; на США – в ли-

це их представителя Борна; на Англию, миссию которой возглавляет полковник Бели; на предателя Недича, к которому он посылал майора Мишича в Белград; на жандармерию оккупантов, с которой он вошел в контакт; на венгерского регента Хорти и генерал-майора Иштвана Уйсаси – начальника Главного управления государственной обороны Венгрии; на итальянскую разведку; на румын, на немцев. Хорти весной этого года направил Михайловичу по Дунаю три транспорта с радиотехникой, боеприпасами, оружием, а разрешение на ввоз всего этого имущества дал группенфюрер СС Майкснер, уполномоченный гестапо в Белграде.

Кое-что из рассказанного Любичем Нерич уже знал от генерала Иштвана Уйсаси. Этого генерала он встречал еще в Праге, где тот был венгерским военным атташе в Чехословакии. Уйсаси дружил с Михайловичем, бывал у него на квартире. Старая дружба продолжалась и теперь. Связи с немцами завязались тоже давно. В Праге Михайлович поддерживал самые дружеские отношения с немецким атташе полковником Гупке, а затем и с Туссеном.

Он использует все, что возможно, для достижения цели и делает это неплохо. В конце концов, блестящая карьера – главное. Михайлович упорно поднимается со ступеньки на ступеньку, все выше и выше. На него можно положиться в одном отношении: он никогда не перейдет на сторону коммунистов, партизан не поддержит. Он верен королю Петру.

Разговаривать долго в этот вечер было некогда. Неричу

предстояло посетить Михайловича. Прощаясь с Любичем, он выразил желание встретиться еще раз и поговорить без помехи.

В приемной генерала стояли два четника, вооруженные немецкими автоматами. Они молча пропустили Нерича в кабинет. Михайлович сидел за грубым столом в натальной рубашке не первой свежести. Грязной рукой с траурными дужками под ногтями он писал на листке бумаги.

Увидев Нерича, Михайлович отложил в сторону ручку.

– Я все забываю спросить вас, – сказал он, – давно вы ходите в чине майора?

– С осени сорок второго года.

– Давненько. С завтрашнего дня можете считать себя подполковником.

Нерич самолюбиво вспыхнул. На его смуглом лице проступил румянец. Он хотел рассыпаться в благодарностях, но вошел Дуглас Борн.

Американец внимательно посмотрел на Нерича, и неприятная кривая усмешка тронула его губы.

– Подполковник Нерич, – представил Нерича Михайлович.

– Мы уже знакомы, – сказал Борн.

Нерич почувствовал себя лишним, поклонился и вышел.

Три дня спустя он снова встретился с Любичем – на этот раз у него на квартире. В комнатке Любича было тепло и уютно. Опять завязалась непринужденная беседа. Любич

уже не скрывал своей явной враждебности к генералу. С возмущением он начал рассказывать о его кровавых подвигах, о бесчинствах «черных троек» и «летучих бригад», им созданных. Эти тройки и бригады вешают, расстреливают, жгут, режут партизан и всех, кто сочувствует Народно-освободительной армии. Они стирают с лица земли целые села, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей.

В сущности к этим методам борьбы Нерич относился спокойно, считая их рациональными, но возражать другу не стал.

Любич продолжал:

– Теперь мне этот тип ясен, как дыня, разрезанная пополам. Я не доверяю ему. Югославии ничего хорошего ждать от него не приходится. И никому я теперь не верю... Ни королю, ни правительству в Лондоне, ни американцам. Они все смотрят на Советский Союз глазами Гитлера, а будущее нашей родины между тем будет зависеть от русских.

Нерич насторожился, опасаясь, что друг станет допытываться его мнения на этот счет, и поспешил перевести разговор на другую тему.

– А куда же запропала ваша Лоретта? – прервал он излишние Любича. – Вы ничего о ней не слышали?

Любич немного удивился такому вопросу и с безнадежной грустью посмотрел на Нерича. Только сейчас Нерич увидел, как изменился Любич за эти годы, как он осунулся, постарел и похудел.

– Я слышал о ней, когда был в Лондоне, – сказал Любич. – Но сейчас не помню, от кого. Лоретта перебралась на родину и, кажется, стала участницей сопротивления. Я всегда считал ее умной и честной женщиной.

Разговор оборвался. Ссылаясь на усталость, Нерич пожал руку Любичу и отправился домой. По пути он заехал к Драже Михайловичу и информировал его о настроениях представителя эмигрантского правительства. Утром Любича нашли мертвым: он лежал в постели с перерезанным горлом.

А примерно через месяц состоялась памятная беседа Нерича с Дугласом Борном в резиденции американца. До этого времени Борн не обменялся с ним ни словом, кроме официального «здравствуйте», и, как казалось Неричу, даже косо поглядывал на него. А на этот раз, когда Нерич вышел из штаба Михайловича, Борн последовал за ним. Стоял пасмурный зимний вечер. Борн взял Нерича под руку.

– Зайдите ко мне, господин подполковник. У меня к вам есть небольшой вопрос. В тридцать восьмом году вы были в Праге?

– Да, был, – ответил Нерич.

На губах американца заиграла уже знакомая Неричу кривая, неприятная улыбка.

– Я не намерен воспроизводить всех подробностей, связанных с вашим пребыванием в Чехословакии, – продолжал Борн. – Надеюсь, они прочно сохранились в вашей памяти?

Нерич покраснел и отвел глаза. Легко было понять, на что

намекает американец, но он еще не был убежден в том, что прав в своих подозрениях. Откуда американец мог знать, что произошло с Неричем в Чехословакии?

– Я вам напомню лишь одно слово, – сказал Борн, – а выводы вы сделаете сами. Это слово «Драва».

Теперь кровь отлила от лица Нерича. «Драва» – это кличка, данная ему Обермейером. Нерич был оглушен.

– Я понимаю вас, – пришел ему на помощь Борн. – В вашей голове все перепуталось, но я постараюсь внести ясность. Американской разведке еще в конце тридцать восьмого года стало известно, что врач Нерич сотрудничает с гестапо и его представителем в Чехословакии.

Борн медленно вынул коробку спичек и так же медленно закурил. Нерич получил маленькую передышку, у него было время обдумать все, что он сейчас услышал от американца.

– Кстати, – проговорил Борн спустя минуту, – гестапо за эти годы не пыталось возобновить с вами отношения?

– Нет, – мрачно ответил Нерич.

– Отлично, – ответил Борн. – Забудем об этом. Я считаю, что вам необходимо покинуть страну. Как ваше мнение?

Нерич растерянно развел руками. У него не было сейчас никакого мнения. Он не знал, что отвечать Борну.

– Как нашему человеку, я могу сказать, – продолжал полковник, отлично замечая растерянность Нерича, – могу вам сказать, что акции короля Петра погорели. Престола ему больше не видать. Нет сейчас никакого расчета служить ко-

ролю. Игра не стоит свеч. Песенка вашего генерала Михайловича тоже спета или почти спета. Мы его поддерживаем только постольку, поскольку он борется против большевизации Югославии. В Белград вам нельзя и носа показывать.

Нерич в полном удивлении смотрел на американца. Дуглас Борн улыбнулся.

– Я считаю, что в Швейцарии вам будет неплохо.

Нерич чувствовал, что в голове у него полный сумбур. Он все еще не мог собраться с мыслями и, вместо того чтобы разобраться в главном, задавал нелепые вопросы:

– Когда мне нужно выезжать?

– Вы отправитесь с первым самолетом, который опустится здесь. И вы получите от меня письмо...

Самолет прилетел в начале апреля сорок пятого года, когда Советская армия уже вышла к Одеру, овладела Будапештом, Данцигом, Братиславой, Кенигсбергом и подходила к Вене.

Всякий поворот в своей судьбе Нерич встречал со страхом, но позже, освоившись, принимал все как должное и даже умел находить выгоду в создавшемся новом положении. Появлялись деньги и, главное, чье-то покровительство. Он начинал чувствовать себя уверенно. А без покровительства, без защиты сильной руки он уже не мог существовать и страшился одиночества.

Правда, новые обязанности приносили не только деньги, но и унижения. В первый раз Нерич ощутил это, когда стал

агентом гестапо. Так же было и позже, во время работы на Управление стратегических служб США. Его понуждали, им понукали, над ним открыто издевались, ему угрожали разоблачением и кое-чем похуже. Он разучился протестовать и отстаивать собственные взгляды, права и принципы, которых хотел придерживаться. Они никому не были нужны, эти его принципы. Предавая человека, Нерич мучился, но только вначале. Позже изворотливая совесть находила оправдание его гнусным поступкам, и он успокаивался. Он научился притворяться, втираться к людям в доверие, умело пользоваться расположением людей, их откровенностью. Добытые таким путем сведения он подчинял своим целям, а вернее, целям, поставленным его хозяевами. Он лгал, не краснея и не бледнея, и упивался собственной ложью. Это выходило у него так естественно, что люди проникались к нему симпатией и уважением, они легко доверяли ему. А он, не моргнув глазом, предавал их. Свое падение Нерич осознал в полной мере в те минуты, когда принял от Обермейера деньги за попытку жениться на Божене. Ему было и страшно и стыдно тогда. Но все-таки он выполнил поручение гестапо и сделал предложение Божене.

Он выполнял все, что ему приказывали, и выполнял без сопротивления. Но когда Борн предложил ему вернуться в Прагу и осуществить наконец тот самый план, который наметил еще Обермейер, то есть жениться на Божене Лукаш, коммунистке и дочери сотрудника Корпуса национальной

безопасности Чехословакии, Нерич впервые за долгие годы запротестовал. Может быть, в нем заговорила человеческая порядочность или он вспомнил все светлое и чистое, что внесла в его жизнь Божена. Но что значил его протест? Он остался гласом вопиющего в пустыне. Его возражения не имели никаких последствий.

Дуглас Борн подтвердил приказ, и этого было достаточно, чтобы Нерич сдался. Правда, в мыслях он еще сопротивлялся, но это не продолжалось долго. Воля его была смята. Он сел за разработку плана своего возвращения в Прагу. Он отлично понимал, что его женитьба на Божене – это не цель, которую преследует Борн, а только средство к достижению этой цели. А какой именно цели, он не знал, ему обещали рассказать об этом в Праге.

3

Вечером Нерич приехал в дом Лукаша. Божена крикнула в соседнюю комнату:

– Отец! К нам гость, товарищ Нерич!

Слово «товарищ» резнуло слух Нерича. Такое обращение было ему и непривычно, и неприятно. Но он заставил себя улыбнуться. Снимая макинтош, он бегло оглядывал квартиру. Появились новые вещи: шифоньерка, диван (правда, небольшой, но удобный, мягкий), однотильные стулья (не сборные, как прежде), большой красивый радиоприемник.

Лукаш вышел к гостю, раскуривая трубку, – все ту же черную, прокуренную трубку, которую впервые увидел Нерич, когда застал Лукаша в постели в тридцать восьмом году.

Протянув руку, Лукаш с неожиданной мягкостью сказал: – Вот хорошо, вместе и поужинаем.

Он запросто подтолкнул Нерича к столу.

– Дочка, нам не помешает стаканчик вина. Как вы полагаете, а? – улыбаясь в седые усы, спросил он гостя. – Правду говорят: гора с горой не сходятся, а человек с человеком непременно сойдутся.

Нерич, ободренный таким приемом, забыл о своем страхе, который преследовал его за все время пути сюда. Он почувствовал себя в седле. Оживленно он начал рассказывать, какое глубокое впечатление произвела на него Прага после восьми лет его скитаний. Он стремился закрепить свое положение в этой семье, заручиться добрым отношением Ярослава Лукаша. Так или иначе, сегодня должно решиться, войдет он в эту семью или нет. Лукаш изменился за эти годы в лучшую сторону, стал приветливее, веселее. И если Лукаш скажет «да», то вряд ли Божена скажет «нет». И Нерич решил пустить в ход все свое обаяние.

Красноречиво расхвалив Прагу, он перешел к воспоминаниям о годах борьбы с немецкими оккупантами. Заранее обдуманый и тщательно подготовленный рассказ, в котором было много фактов и фамилий, уже известных Лукашу, произвел хорошее впечатление. Лукаш, не выпуская трубки изо

рта, внимательно слушал. Божена не сводила глаз с Нерича. Она уже забыла о тягостном чувстве, которое оставила в ней их первая встреча. Нерич снова нравился ей.

«Конечно, он изменился, – рассуждала она, – но все такой же хороший, мужественный и красивый».

Рассказ о ранении Нерича вызвал на глазах Божены слезы – так ей стало жалко его.

За время ужина Лукаш трижды набивал свою трубку, всякий раз легким постукиванием о пепельницу очищая ее от пепла.

Наконец Лукаш воспользовался перерывом в беседе и поднял свой бокал.

– Ну, за ваш благополучный приезд!

Когда осушили бокалы, он спросил:

– Надолго к нам?

– Да, вероятно, надолго, – Нерич вздохнул. – У меня была возможность поехать в Будапешт или Софию, но я... избрал Прагу.

Божена быстро поднесла ко рту чашку кофе.

– Что ж, Прага достойный город, – усмехнулся Лукаш и поглядел на дочь. – Признаться, люблю ее, красавицу. А скоро мы сделаем ее еще лучше. – Он встал и одернул китель. – Ну, хорошие мои, вы тут беседуйте, а мне пора.

Лукаш поцеловал дочь, пожал руку Неричу и ушел.

Нерич пересел на диван.

– Даже не верится, что прошло восемь лет. Будто только

вчера мы расстались с тобой в этой милой комнатке.

Божена поправляла рукой волосы. Она не только не по-дурнела, но расцвела и похорошела. Она была удивительно женственна, и этого не мог не отметить Нерич. Волосы ее были собраны на затылке узлом. Голубые глаза все так же ясны, но затуманены легкой грустью. Откуда эта грусть? Раньше Нерич не замечал ее. Взгляд ее был наивен, доверчив, покорен. Что-то новое было в ней.

– Сядь со мной, Божена, – попросил Нерич.

Божена встала из-за стола, но не подошла к нему – начала убирать посуду.

– Я не люблю этот диван.

– А я привез твои письма.

Она удивленно взглянула на него.

– Зачем?

– Чтобы напомнить, что ты обещала в них. Ты обещала сохранить нашу дружбу навсегда.

Божена не понимала, зачем нужно это напоминание. Не проявляя любопытства, она продолжала убирать со стола.

Нерич подошел к ней.

– Я не узнаю тебя, Божена. Неужели ты забыла наш последний вечер перед разлукой и... свою клятву ждать меня? – Он взял Божену за плечи и привлек к себе. – Помнишь, ты сказала: «Когда минует гроза»?

Божена посмотрела ему в лицо.

– Хорошо помню, Милаш.

С облегчением он обнял ее. Губы их соединились.
«Все идет хорошо».

Глава седьмая

1

В городе Злине Гоуска задержался не больше, чем требовало дело. Он понимал, почему Борн интересовался состоянием знаменитых заводов Бати. В годы войны эти заводы готовой обуви, крупнейшие на земном шаре, работали на гитлеровскую армию. В конце сорок четвертого года, когда любому фашисту стало ясно, что гибель нацистской Германии неизбежна, в сумрачный ноябрьский день над Злином неожиданно появились бомбовозы «союзников», и самые крупные многоэтажные корпуса заводов Бати превратились в развалины. Батя сбежал в Бразилию. Его предприятие, созданное путем многолетней жестокой эксплуатации чешских рабочих, перешло в руки государства.

А поработал Батя много. Его имя значилось не только на обуви всех видов и фасонов. Оно стояло на машинах, самолетах, камерах, покрышках, чулках, фото пленке, на разнообразных каучуковых изделиях, на всевозможных детских игрушках. Бате принадлежали аэропорты, автобазы, трассы, рестораны, отели, киностудии. Ему по существу принадлежал весь город Злин.

Гоуска долго, до боли в загривке, смотрел на самый вы-

сокий в стране, семнадцатизэтажный небоскреб, в котором было размещено управление многотысячного комбината. Не так уж давно здесь хозяйничал Батя. Его служебный кабинет помещался в лифте. Батя метался вверх и вниз, останавливался на промежуточных этажах, вызывал подчиненных, слушал их доклады, отдавал приказы.

Ну, что он, Гоуска, доложит Борну? Что комбинат почти полностью восстановлен? Что его продукция растекается по всей Европе, Азии? Что чехи собственными руками подняли город из руин и спокойно обошлись без американской помощи? Нет, в таком тоне он, конечно, говорить не будет. Вернее, умолчит о последнем. Но факт остается фактом.

Примерно к таким же печальным выводам пришел он, осмотрев предприятия в Пльзене.

Здесь тоже похозяйничали янки. За четырнадцать дней до изгнания фашистов из Праги, в тот час, когда в районе Торгау войска Первого Украинского фронта соединились с союзными войсками, за тринадцать дней до полной капитуляции фашистов и за неделю до падения Берлина на горизонте показались бомбовозы, числом более четырехсот.

Пльзенцы с удивлением смотрели на запад. Куда летят машины? Одни говорили, что бомбить немецкого генерал-фельдмаршала Шернера; другие полагали, что с самолетов будет сброшен большой десант в тыл к Шернеру и Туссену; наконец, третьи были убеждены, что бомбовозы летят на Берлин. Но в таком случае, почему через Чехословакию?

Никто не хотел и не мог поверить, что бомбовозы летят на Пльзен. Но это было так. В течение часа они бомбили заводы Шкода.

Янки знали, что делали. Они понимали, кто через самое короткое время станет хозяином стальных гигантов. У них был свой план: если нельзя завладеть, то надо уничтожить. Когда придет время – и новые или старые хозяева захотят возродить заводы, им придется бежать с поклоном к ним же, американцам, и умолять: «Помогите! Без вас мы погибли!»

Но не таким оказался свободный, независимый народ Чехии. У него нашлись и силы и подлинные, бескорыстные друзья. Он не пошел на поклон к американцам.

Человек Сойера, явный недруг чехов, сказал Гоуске:

– Заводы Шкода восстановлены почти на восемьдесят процентов.

– Неужели? – поразился Гоуска.

– Да, как это ни странно.

– И это за какие-нибудь два с лишним года?

Собеседник развел руками. Кого-кого, а этого человека никак нельзя было обвинить в необъективности. Он добавил:

– С конвейеров уже давно сходят локомотивы, тракторы, подъемные краны, станки.

Гоуска поцокал языком и выразил желание заглянуть на Праздрой. Они долго бродили по обширной территории старейшего в стране пивоваренного завода, познакомились с

производством, осмотрели знаменитые погреба-холодильники, высеченные в скалах, отведали превосходного пльзенского пива.

– Чудесное пиво, правда? – спросил человек Сойера.

Гоуска сделал еще несколько глотков, «прислушался» к своим вкусовым ощущениям и ответил:

– Превосходное! По-моему, оно не хуже, чем до войны. Сколько сейчас выпускает завод?

– Четыреста гектолитров.

– А его производительная мощность?

– Один миллион.

Гоуска присвистнул.

– За чем же остановка? – поинтересовался он.

– За ячменем.

Гоуска подмигнул спутнику, и они вышли из лаборатории.

Гоуска огляделся и сказал:

– Через пять-шесть дней завод получит распоряжение правительства об изъятии со складов семидесяти процентов зерна. Поняли?

– Да.

– Это зерно в связи с недородом частично должно пойти на снабжение основных промышленных центров, а частично в семенной фонд. Вам это понятно?

– Да.

– Поэтому в ближайшие же дни зерно придется пустить в переработку. Надо замочить его, но замочить так, чтобы

оно перепрело, покрылось плесенью и оказалось непригодным ни на пиво, ни на семена, ни на еду. Как это сделать, я вас учить не буду. Здесь играют роль и сроки, и вентиляция, и разные другие фокусы.

– Понимаю вас.

2

Слива был точен и явился ровно в восемь вечера. Гоуска провел гостя в кабинет, извинился и оставил его.

Прохаживаясь по знакомому обширному кабинету, Слива вспоминал о том, как он впервые вошел в этот дом, как его принял тогда Гоуска, как было решено привлечь в качестве истопника Ярослава Лукаша.

С тех пор минуло два с лишним года. Где был это время Гоуска? В Швейцарии. Чем он занимался там? Пока неизвестно. Известно лишь одно: он возвратился в Прагу, надеясь, что никто не знает о его причастии к гестапо. Еще задолго до приезда Гоуски из Корпуса национальной безопасности пропало досье на его имя, заведенное в свое время начальником островного особого пункта гестапо, штурмбаннфюрером Зейдлицем. Таить нечего, Корпус был и остается объектом жгучего внимания реакции, и работникам Корпуса еще не раз придется тщательно проверять свои ряды. Враги просочились и в Корпус национальной безопасности. Хищение досье на Гоуску – дело их рук. Но они просчитались.

Они забыли о том, что, кроме документов, существуют еще и люди.

На что же рассчитывает Гоуска? Что он собирается предпринять? Почему о нем так заботятся Зенкл, Дртина, Рипка?

Верное чутье у начальника Сливы, Ярослава Лукаша. Он сразу сообразил, что Гоуска неспроста явился в Прагу. Другой вопрос – зачем? Но это должно выясниться в самое ближайшее время. Если не проболтается он сам, то сведения будут добыты без его участия.

Но вот явился в кабинет Гоуска. Он был надушен, выбрит, причесан. Его лицо с отвисшими жирными щеками больше, чем всегда, напоминало морду откормленного мопса.

Он взял гостя за обе руки и усердно потряс их.

– Я поражен! Буквально поражен трансформацией, происшедшей с вами, – начал Гоуска, щуря свои маслянистые глазки.

– И я не меньше. Поражен и вашим возвращением в Прагу, и вашим новым положением, – в тон ему ответил Слива.

– Охотно верю. Но вы не станете мне доказывать, что министерство внешней торговли – это совершенно то же, что и Корпус национальной безопасности. А?

– Нет, не стану. Но скажу откровенно, что предпочел бы оказаться на вашем месте. Я не стремился попасть в этот Корпус. Это было бы не только дерзостью, но и сущим безумием. Меня взяли в Корпус вопреки моему желанию.

– Ц-ц-ц! Не горячиться. Только не горячиться. Я не вижу

в этом ничего плохого. Между прочим, вы обедали?

– Благодарю. Я сыт.

– Но от стаканчика вина не откажетесь? А? Я привез чудесное вино из Берна. Сосешь и боишься язык проглотить. Полакомимся?

– Пожалуй. Ради нечаянной встречи.

– Вот и прекрасно!

Несколько минут хозяин и гость смаковали действительно редкостное швейцарское вино.

– Сколько вам лет? – неожиданно спросил Гоуска.

– Через два месяца стукнет тридцать.

Гоуска сочувственно покачал головой и вновь наполнил небольшие бокальчики. Он обдумывал: расспрашивать ли Сливу или сначала кое-что рассказать о себе? Лучше сначала о себе. Пусть Слива убедится, что Гоуска с ним откровенен.

– Представляю себе, как вы были удивлены, когда я внезапно исчез, – начал Гоуска.

– Не только удивлен, – ответил Слива, закуривая сигарету.

– Но и...

– Если говорить правду, то и обижен.

Неожиданно для Гоуски Слива коротко, но очень ясно изложил свою историю.

Он был бы горячо благодарен Гоуске, если бы тот в критическую минуту взял его с собой в Швейцарию. Каждый в те проклятые дни думал лишь о спасении собственной шкуры. Гестаповцы в панике бросили своих друзей. И можно толь-

ко удивляться, что все обошлось гладко. Понятно, чтобы замести следы, пришлось кинуться в другую крайность. Пятого мая Барабаш оказался случайно среди восставших. Конечно, помогло то, что его сотрудничество с гестапо продолжало быть тайной. Если Гоуска помнит, он еще задолго до майских дней перешел на нелегальное положение. Вот с этого и началось. А потом подвернулся удачный случай. В бою с немцами был убит некий Антонин Слива, его ровесник. Отец Сливы был социал-демократом и погиб при крушении поезда. У Сливы не осталось никого из родных, и явилась возможность воспользоваться его документами. Получилось так, что Барабаш, сотрудничавший с гестапо, погиб, а коммунист Слива остался в живых. А как только в стране восстановился порядок, его сразу взяли в Корпус национальной безопасности.

– Вот только одного человека я побаиваюсь, – добавил Антонин. – Кроме вас, он один знает меня как Барабаша. И знакомству с ним я обязан вам.

У Гоуски засосало под ложечкой.

– Кого вы имеете в виду? – спросил он приглушенным голосом.

– Старика Гофбауэра.

– А-а-а! – облегченно вздохнул Гоуска и рассмеялся. – Я ведь и забыл, что вы квартировали у него. Ну, пусть Гофбауэр вас не беспокоит. Он...

– Я как-то встретил его на улице, – прервал Слива Гоуску

на полуфразе. – Мне показалось, что он узнал меня, хотя и не подал виду. В тот день у меня все из рук валилось. Я не спал несколько ночей сряду. Посудите сами...

Теперь Гоуска прервал его:

– Он и рта не откроет. Еще раз повторяю, что Гофбауэра вы можете не опасаться. Это мой человек. Целиком и полностью мой. Я для него слишком много сделал в жизни, он мне обязан. Сейчас он ведет хозяйство на моей загородной вилле.

– И вы в нем уверены?

– Как в самом себе.

Выпили еще по бокалу вина.

– Видите ли, – снова начал Гоуска, поудобнее располагаясь в кресле, – в те дни я остаться в Праге не решился. Мои друзья из протектората в новых условиях могли только скомпрометировать меня. Они могли потянуть меня за собой в яму. В Швейцарии я переждал бурю. Теперь я в безопасности. Никаких документов, порочащих меня, у моих врагов нет. В этом я уверен. Да, кроме того, уже недалеко время, когда произойдут желательные для нас обоих перемены. При новой ситуации наше прошлое не будет иметь такого значения, какое оно имеет сейчас.

– Вы оптимист, – заметил Слива. – Я пока не вижу про света и не тешу себя надеждами. Коммунисты сильны и с каждым днем становятся сильнее.

– Ничего, ничего! Во Франции они тоже были сильны, а,

как видите, получили хорошего пинка.

Слива в душе посмеивался. Доводы Гоуски забавляли его. Еще на что-то надеется, строит какие-то планы. Гоуска продолжал:

– Вы думаете, мне одному надоело заниматься самоограничением ради так называемых товарищей и их нереальных идей? Нас тысячи, десятки тысяч. И нас не так-то легко взять за шиворот и выбросить в навозную кучу. Там, мол, ваше место. Ого! Мы тоже сильны, а наши зарубежные друзья еще сильнее. Вопрос стоит так: или Готвальд с Носеком столкнут нас в пропасть, из которой нам уже никогда не выбраться, или мы их столкнем туда. Последнее желательнее и вероятнее.

Антонин пояснил, что его положение менее прочно. Он живет под постоянной угрозой разоблачения. Нет таких секретов, которые бы навсегда были погребены в прошлом. У каждой веревки есть конец и начало. Министр внутренних дел Носек занят чисткой рядов Корпуса национальной безопасности, и проверка его сотрудников не прекращается. Антонин частенько подумывает о том, не смотать ли ему заблаговременно удочки.

– Надо ковриком лечь, но остаться, – поспешно прервал его Гоуска. – Обязательно остаться. Я не предвижу никакой опасности. У вас очень удачно сходятся концы с концами. А если что-нибудь... Давайте договоримся на первый раз так: если над вами нависнет беда – я вас выручаю, попаду впро-

как я – выручаете вы. По рукам?

Слива вздохнул. Он на все согласен. В конце концов, нельзя жить без надежд на лучшее.

– Вот именно, – подтвердил Гоуска. – Надо рассчитывать на силы, которые сейчас находятся в потенциальном состоянии, но в недалеком будущем придут в движение и победят. Так уготовано самой судьбою. Я могу вас твердо заверить в одном: Чехословакия недолго будет идти в фарватере коммунистической России. Это для меня ясно, как божий день. У нас другой путь. Нынешний этап – неизбежный, но переходный, временный. Обстановка потребовала блока с коммунистами. Мы пошли на этот блок, чтобы сохранить свои принципы, собраться с силами. Мы кое в чем уступили. Но наступит день, и мы скажем: «Хватит! Поиграли, и довольно! К черту все ваши демократические выкрутасы! Вы восстановили фабрики и заводы? Спасибо! А теперь извольте смотреть, как будем хозяйничать мы». А поэтому пока условие: взаимная выручка и взаимная информация. События ближайших дней покажут, что каждому из нас следует делать. Вы не падайте духом. Берите пример с меня. Помните, что молодость – это время для усвоения мудрости, а старость – время для ее применения. Что-то вроде этого сказал какой-то умный француз, фамилии которого я не помню. Набирайтесь мудрости. Она вам пригодятся, и скорее, чем вы думаете.

Антонин сделал вид, что потрясен его прозорливостью.

– Вы уверены, что существующее положение протянется недолго? – спросил он.

– Конечно. Впрочем, утверждать, что ближайший месяц уже изменит положение, я не берусь...

Глава восьмая

1

Ответственный представитель министерства юстиции не отличался внимательностью к посетителям. К этому выводу Морава пришел, просидев около тридцати минут в его приемной. Не очень молодая женщина, создание развинченное и плоское, как доска, сказала Мораве, что ее начальник очень занят деловой беседой с владельцем одного из крупных складов нефтепродуктов. Однако на глазах у Моравы люди заходили в кабинет безо всякой очереди, и секретарша не противилась этому. Наоборот, она любезно открывала им дверь. По наблюдениям Моравы, это были спекулянты или дельцы черного рынка. Их изобличал внешний облик, фамильярные жесты и какой-то неуловимый напор, свойственный только людям, девизом которых являются деньги.

Морава за время ожидания выкурил три сигареты. Левая бровь его уже нервно дергалась. С досады он покусывал ногти. Его терпение подходило к концу. То и дело он бросал взгляд на круглые настенные часы. Они подтверждали, что он ждет приема уже больше тридцати минут.

«Неужели министр юстиции господин Дртина не знает о порядках, существующих в его учреждении? – думал Мо-

рава. – Когда же будет покончено с бюрократизмом? Если ему, одному из руководящих работников Совета профессиональных союзов, так трудно проникнуть за эту оберегаемую дверь, то для рядовых посетителей – рабочих, земледельцев – она, вероятно, не открывается никогда».

Когда до слуха Моравы из-за неплотно, по оплошности секретарши, прикрытой двери донеслись взрывы смеха, он уже не смог сдержать себя.

У секретарши задрожали губы, когда Морава встал и, не вынув изо рта сигарету, толкнул ногой дверь, распахнувшуюся перед ним настежь. Он ввалился в кабинет безо всякого приглашения.

Взору его предстала такая картина: на письменном столе стояло большое блюдо с сэндвичами, представитель министерства юстиции и его клиент уничтожали эти сэндвичи и запивали их дымящимся кофе.

Лицо представителя министерства сразу приняло багровый оттенок. Оно изобразило возмущение. Наскоро прожевав кусок сэндвича и шумно проглотив его, он надменно спросил:

– Что вам угодно?

Морава взглянул на свои ручные часы и, не сдерживая раздражения, резко ответил:

– Об этом я вам сообщил по телефону почти час назад.

– Но я не привык, чтобы в мой кабинет входили без доклада.

– А я не привык, – прервал его Морава, – ожидать по часу в приемной. Я не знаю, чем вас развлекает этот господин, от которого пахнет керосином, но я пришел к вам по государственному делу. Если у вас не хватает времени для беседы с работниками профсоюзов, скажите прямо. Я могу подняться к вашему министру.

Представитель министерства юстиции собирался ответить резкостью, но, увидав сухие, строгие глаза посетителя, передумал.

– Я вас приму ровно через пять минут.

Морава вышел в приемную. Через две-три минуты из кабинета выкатился оптовик-нефтяник, стряхивая на ходу крошки хлеба с пиджака, вслед за ним секретарша вынесла посуду, а после этого двери сами раскрылись перед Моравой.

Снова последовал вопрос:

– Что вам угодно?

Морава усмехнулся и, садясь в кресло, сказал:

– У вас очень короткая память, милостивый государь, и мне придется повторить то, о чем я уже говорил вам по телефону. Я пришел выяснить, на каком основании вчера административный суд вынес решение о возврате фабрики «Уния» ее бывшему владельцу.

Представитель министерства юстиции заерзал на стуле, отодвинул от себя папку с бумагами и, не поднимая глаз на посетителя, ответил:

– Вероятно, суд руководствовался соответствующим за-

КОНОМ.

– Суд нарушил декрет о национализации, – резко заявил Морава.

– То есть?

– Декрет гласит, что возврату подлежат предприятия, насчитывающие менее пятисот рабочих.

– Совершенно верно. Но пятнадцатого октября, в день подачи искового заявления, на фабрике насчитывалось не пятьсот, а только четыреста девяносто восемь рабочих.

– Вы забываете, что с мая по сентябрь число их достигало шестисот, – сказал Морава.

И подумал: «Каков прохвост!»

– Это не имеет значения, и суд не обязан вникать в подобные детали. Дело разбиралось в октябре, а не в мае. Я не вижу никаких оснований для пересмотра дела.

Морава сказал представителю министерства юстиции, что Центральный совет профессиональных союзов придерживается иного мнения. Он считает решение суда явной подтасовкой, считает его издевательством над декретом и над рабочими.

– Ну, видите ли... административный суд в данном случае не может идти на поводу у рабочих.

Мораву взорвало.

– Это не пройдет! – крикнул он, ударив ладонью по столу. – Рабочие не позволят водить себя за нос. Прошли и каули эти времена. Рабочие выведут на чистую воду вас и ваш

суд. Фабрика не вернется в руки ее бывшего владельца. Вам известно, кто был хозяином фабрики?

– Меня это не касается.

– Зато рабочих касается. Этого подлеца Розенфельдера давно пора посадить за решетку. Он угодничал перед гитлеровцами, а теперь вдруг объявил себя патриотом, радеющим о процветании родины. Знаем мы этих патриотов! Вот тут они у нас сидели! – Морава похлопал себя по шее.

Представитель министерства юстиции не нашел для себя возможным вступать в дальнейший спор. Он встал и, опираясь руками о стол, дал понять, что аудиенция окончена.

– Мне нужно знать ваше окончательное мнение, – сказал Морава.

– Я вам ничем не могу помочь.

Морава тоже встал.

– Что ж, – проговорил он, – если суд не хочет защищать интересы рабочих, они сами защитят их.

2

Когда Морава приехал на фабрику, там уже шел митинг. Морава попросил слова и поднялся на импровизированную трибуну, сложенную из ящиков. Он сказал, что суд не будет пересматривать своего решения, а министерство юстиции придерживается того мнения, что суд прав. Центральный совет профсоюзов не согласен ни с решением суда, ни

с мнением министерства юстиции. Поэтому надо посоветоваться с рабочими.

Вслед за Моравой выступил инженер, представлявший интересы бывшего владельца фабрики Розенфельдера. Его появление на трибуне аудитория встретила общим молчанием, ничего доброго не предвещающим.

– Во-первых, – сказал инженер, обращаясь к рабочим, – оттого, что фабрика перейдет в руки ее бывшего хозяина, вы абсолютно ничего не потеряете. Он всегда заботился о рабочих, входил в нужды каждого из них. Так будет продолжаться и впредь. Во-вторых...

Но второй довод ему привести не удалось. Свист, выкрики и шум пятисот человек обрушились на него, как лавина. Инженер покинул трибуну в полной растерянности. Отойдя к окну, он нервно теребил в руках свою шляпу. Кажется, он не понимал причины этого всеобщего негодования. Глаза его бегали по лицам рабочих.

Председатель с большим трудом водворил порядок. Начали выступать рабочие.

Нет, Мораву не преувеличивал, когда говорил представителю министерства юстиции о том, что рабочие сами сумеют защитить свои интересы.

– Они хотят вернуть старые порядки, – сказал пожилой рабочий. – Опять они замахиваются на нас. Им хочется снова увидеть нас с протянутой рукой. За каким же чертом мы боролись? Ради чего рисковали жизнью?

Морава с усмешкой поглядывал на инженера, который карандашом делал торопливые пометки в своей записной книжке.

– Мы маленькие винтики и шестерни на большой фабрике, – говорил второй рабочий, сменивший на трибуне первого. – Но без нас фабрика работать не будет. Почему сюда не соизволил пожаловать хозяин? Знает кошка, чье сало съела! Нет, комплиментов он от нас не дождется. Мы ему напомним кое-что, отчего у него аппетит испортится. Мы его отвезем на тачке прямо к ребятам в Корпус национальной безопасности. Уж там сумеют с ним поговорить.

Один оратор сменял другого. Многие хотели высказаться, но надобность в этом отпала: позвонили из Корпуса и сообщили, что бывший владелец фабрики «Уния» Розенфельдер минувшей ночью бежал в Западную зону Германии.

Послышались восклицания:

– Вот это лихой поворот дела!

– Так и сбежал?

– Куда же смотрели?

3

В самом деле – как сумел бежать Розенфельдер? Этот вопрос встревожил сотрудников Корпуса национальной безопасности. Его основной состав – люди, преданные делу революции, верные своему народу, никогда не забывали, что в

их рядах, прикрываясь личиной преданности, затаились враги и их пособники. Но работники Корпуса не могли ждать такой выходки, смелой до дерзости и близкой к авантюризму. Что значит бежать за кордон? Это значит – иметь на границе своих людей, обладающих возможностью пропустить человека на чужую территорию без соблюдения установленных формальностей. Это значит – совершить нелегальный переход или, наконец, иметь на руках законный пропуск.

Проверка показала, что одна книжка с бланками пропусков исчезла. Когда, при каких обстоятельствах? Этого установить не удалось. Случай из ряда вон выходящий, но не первый. В практике работы Корпуса уже не раз обнаруживались провалы, предательства, пропажи важных документов.

– Сбежал, мерзавец! – сказал Лукаш о Розенфельдере. – Большая неприятность. Но на чью же руку он опирался?

На этот вопрос пока не было ответа.

Глава девятая

1

Была суббота. Лекции заканчивались в четыре часа, и Божена торопилась – надо было успеть забежать в магазин и приготовить обед. Впрочем, обед уже был приготовлен, но рассчитан на двоих, а сегодня должен прийти Нерич. Необходимо было сделать новые покупки и хоть немного украсить стол.

Поглощенная хозяйственными расчетами, Божена выбежала из университета. Кажется, ее сейчас ничто не заботило, кроме обеда. Она торопилась поспеть на рынок и тревожилась, что в такое позднее время уже ничего не найдет из того, что любит Нерич.

Неожиданно кто-то окликнул ее. Она оглянулась и увидела Антонина; крупными шагами он приближался к ней.

«Вот некстати! – подумала Божена не без досады. – Зачем он здесь?»

Она вспомнила, как часто в течение года по субботам Антонин встречал ее после лекций у подъезда университета и провожал домой.

С натянутой улыбкой она протянула Антонину руку.
– Идем скорее.

– Куда? – удивился он.

– Мне надо кое-что купить на рынке. Боюсь, что ничего уже не застану.

Антонин зашагал вместе с нею и с обидой проговорил:

– Вот и опять ты занята.

– Да, немножечко. Это тебе не нравится?

Антонин не ответил. Он долго ждал ее возле университета, видел, как она прошла мимо, даже не заметив его. На протяжении долгого времени он встречал ее здесь, и она, выходя, всегда искала его глазами, а сегодня и не подумала этого сделать. Как все у нее просто и легко получается! Стоило появиться Неричу, и Антонин уже выкинут из головы. И нет дела до того, что он ждет ее и мучится. И пришел сюда только затем, чтобы сказать ей об этом.

– Но ты можешь уделить мне несколько минут? – спросил он нерешительно.

Божена на ходу взглянула на часы и с новой досадой подумала: как некстати сегодня появился Антонин! Конечно, разговор займет не какие-нибудь минуты, а не меньше получаса – и все, что она задумала сделать, сорвется. Объяснить ему, почему она торопится? Но разве он примет это разумно? Нет, он обидится. Но обижать его не хочется. В конце концов, он не заслуживает этого. А согласиться на его просьбу – это значит отказаться от хорошего обеда для Нерича. Впрочем, почему не перенести их разговор на другой раз? Ну, хотя бы на завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.